

Р А Д У Г А,

Ж У Р Н А Л Ъ

ФИЛОСОФИИ, ПЕДАГОГИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

съ

присовокупленіемъ

О С Т Ъ - З Е Й С К И Х Ъ -
З А П И С О К Ъ,

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Книжка четвертая.

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ типографіи наследниковъ Лидфорса.

Р А Д У Г А.

Ч Т О И З Я Щ Н О Е ?

Дума.

Что Изящное? гдѣ Изящное? жаждешь, алчешь мой духъ недоумѣвающій. Что Изящное? Гдѣ уполишь онъ жажду, не умъ, а и сердце и весь сославъ его помящую? —

Проникалъ онъ въ сонмъ Олимпа швоего, Эллада плѣшпельница! Громовержець Державный, Зевесъ! швою молнію въ испочникъ поснигъ онъ, осязаль ее, дышаль пламенемъ ея, пылаль ею въ груди своей! — Проникалъ онъ, Марсъ, мыслию жадной къ груди швоей, лился кровью огненною въ біеніи сердца швоего, окоспентвалъ напрягаясь въ желѣзныхъ мышцахъ швоихъ! Но не вы Изящное! —

Онъ шилъ сладостное шмамя взоровъ швоихъ, Афродита! онъ дышаль зноемъ дыханія швоего; лебдемя вдохновеннымъ шпаваль, дель-

финомъ плескался въ морѣ объятій своихъ; зефиромъ вѣялъ въ золотыхъ облакахъ кудрей своихъ, звѣздой своею упоая въ зарѣ ланишь и успѣ своихъ, и лучемъ мѣсяца скользя и прокрадываясь по млечному пути выи и персей своихъ, онъ гасъ и мѣлъ и паялъ въ молніедышащемъ лонѣ любви своей! — Но нѣтъ! и не ты Изящное! —

Къ тебѣ, Геба плѣнительная! выплывалъ онъ изъ океана объятій Афродитиныхъ и ты упомянутого пинала пищею боговъ — амброзією надземной любви! И къ тебѣ, Ганимедъ! ты услаждалъ его — нектаромъ упоительнымъ! — Тщешно! —

Опѣ Ганимеда лепѣлъ мой духъ въ сонмъ музъ своихъ, Фебъ свѣтоносный! Игралъ, шутилъ онъ съ небесными дѣвами. Сладоспно было ему бытъ подвласнымъ своенравію ихъ! Уранія носила его по лазурнымъ межзвѣзднымъ пространствамъ, Кліо по шумнымъ волнамъ вѣковыхъ водоворотовъ человечества..... ласкали его небесныя дѣвы, хороводами стройными упѣшали его, пѣснями звучными услаждали его.....

И съ шобой самимъ, Аполлонъ свѣтоносный, лепалъ онъ въ колесницѣ лучезарной и — какъ пылинку видѣлъ землю подъ собою! И съ шобойже сходилъ въ пастушьи долины!

Впивался въ сіяніе солнечныхъ очей своихъ,
лился сладко звучною прелью свирели своеѣ!...

Но нѣтъ! Лишь упомень спалъ мой
духъ! Жажды Изящнаго не уполили вы, боги
Олимпа! Нѣтъ, не вы, не вы Изящное! Туманъ
очаровательныя обипели блаженства вашего!
и прахъ — пльнипельная Аркадія, прелеспная
Темпе — подножіе ваше! и насѣкомыя крыма-
шныя — Пиндары, Плапоны — созданія ваши!

Тѣсно, душно спало безсмертному духу
въ свѣплицѣ блаженства вашего! — Упомила,
изнемогъ онъ въ знойныхъ обьяпяхъ вашихъ!
— Изсякъ родникъ жизни его, лавою вашею
плывшій! — Нѣтъ, не вы, не вы Изящное, не
вы Изящное живое! — И оставилъ Олимпъ вашъ
мой духъ упомлennyй.

На Сѣверъ небесъ своихъ ушелъ онъ. Въ
ледъ мысли прешворилось оспывшее сердце его.

Къ свиспу и гулу бурь Оденовыхъ спалъ
онъ прислушиванься. На крьміяхъ ихъ ле-
палъ онъ по морозному небу Сѣвера. И въ
сонмѣ боговъ холодной Валгаллы застѣдалъ онъ.
И съ ними понулъ онъ въ ихъ чашѣ забвенія.
И съ ними горѣлъ огнями ихъ браней и шум-
но кровавыми пожарами разливался по небу ихъ.

Но нѣтъ, Валгалла! и не въ тебѣ обипа-
еть Изящное! Безжизненны ледяныя обьяпія

небесъ твоихъ! безжизненны твои кровавыя сїянія! —

Но гдѣже оно? Гдѣ Изящное? Гдѣ упо-
лишь мой духъ жажду, его помящую? — —

Уже, въ изнеможеніи, полумертвый, ски-
пался онъ по пуспынямъ и шумдрамъ своего
внушренняго міра. Въ себя, какъ въ могилу,
углубленный, онъ спусклымъ, холоднымъ взо-
ромъ блуждалъ по пушьямъ имъ пройденнымъ.
Исчезла Валгалла, въ шуманъ погрузился
Олимпъ предъ взоромъ разочарованнымъ. Вда-
ли — въ знойной пуспынѣ — камни, — раз-
валины дооблачнаго столпа гордосни его!
Тамъ — обрушенныя, сѣдыя снѣжны капицей!
Тамъ — пирамиды, неколебимые обличители
служенія его ничтожеству земному! А тамъ
— судорожно сердце въ немъ вздрогнуло, мол-
ніями сверкнули глаза тамъ — тамъ мерт-
вое море, тамъ и города возродились предъ
нимъ и — онъ въ нихъ.... Тренешь и холодъ въ
членахъ тяжкая жизнь бьется въ груди,
и давить попка, какъ зной, дыханье сердца....
и — всѣми членами дрожа и въ слезахъ — въ
прахъ повергся мой духъ. Свѣта спрашаясь,
смыкаешь препенныя вѣки; — кипящія рѣки
льются изъ глазъ, .. и съ препеномъ въ
сердцѣ ждешь Правосудія Небеснаго духъ
мой, мнишь, къ праху приникая, — громы

лепящъ раздробить его, мнишь — всѣ звѣзды Вселенной въ спрѣлы молній обратились и — сыплются на преступнаго.....

Но — вѣяніе мира съ небесъ благодашно обьяло мой духъ! Тише и тише въ пылавшей груди, легче и легче бѣеніе жизни, и психа окреспѣ..... Робко подьемаясь, разнялъ мой духъ препенныя вѣки и — звѣзда — въ лучахъ невѣдомаго свѣша сіялъ на небѣ..... и надеждою живительной запалъ ея лучъ въ грудь изнеможенную и внемлещъ мой духъ звуки небеснаго, сладкаго пѣнія .. пробуждаются жизнь въ заповѣдномъ уголкѣ сердца ... и препенно руки и взоры дерзають духъ мой къ небу воздѣшь: Небо раскрыло ... Ангеловъ лики ... и пѣсь: »Слава въ вышнихъ Богу и въ груди твоей миръ!« И невѣдомою, новою жизнью сердце пренецетъ! и новая, сладостная жизнь въ членахъ спруится! и свѣшлой небесной рососою льется радость изъ глазъ! и рая дыханье вѣешь въ груди! И вшоритъ весь міръ мой ликоваіямъ духа избавленнаго: Богъ, Богъ, самъ Богъ - Свѣшь, самъ Богъ - Любовь, Богъ - Жизнь вѣчная, Богъ, Богъ родился въ сердечномъ Владеемъ моемъ.

Ликуйте небеса небесъ! ликуй земля изъ края въ край! ликуйте орлы и онагры! ликуйте народы всѣхъ Царствъ! Ликуютъ

всѣ Силы небесныя, и Херувимы и Серафимы!
 Богъ падшаго возродилъ! Собою возродилъ его!
 Своимъ Свѣпомъ, Своею Любовью, Вѣчною
 Жизнью Своею возродилъ его! — — —

И позналъ возрожденный духъ мой Изящ-
 ное живое, глубиною души позналъ Изящное
 неплѣнное! Богъ, Богъ Троиный его Изящ-
 ное живое! Онъ видѣлъ Его, онъ внималъ Ему,
 онъ ощущалъ Его сердцемъ, осязалъ Его, вку-
 шалъ плоть Его, пилъ кровь Его!

Свѣпъ, Любовь и Жизнь мое Изящное!
 И Свѣпъ, Любовь и Жизнь — присіянная риза
 превѣчнаго существа Божія; Свѣпъ, Любовь
 и Жизнь присущное превѣчное шѣло Тривпос-
 паснаго; Свѣпъ, Любовь и Жизнь — Самъ
 Тривпоспасный. Лобызалъ ушами сердца
 духъ мой ризу присіянную; ощущалъ перстами
 сердца шѣло присущное! Какъ манну въ пу-
 стынѣ Израиль, поглащалъ я спруи Свѣпа не-
 плѣннаго изъ самыхъ очей Троиного; какъ
 елень зноемъ шомимая воды испочника спу-
 деннаго, шакъ изъ самыхъ ушпъ Тривпоспас-
 наго пилъ я Слова Жизни вѣчной; какъ мла-
 денецъ, въ блаженствѣ несамовѣденія приникалъ
 я къ опеческимъ персямъ Любви Превѣчной!
 И, о мое Изящное всесовершенство! Спруи
 Жизни, море Свѣпа, небеса Любви..... но —
 еще ли нѣмошпованъ дерзаю словомъ своимъ

о Тебѣ, **Неизглаголаный!** — Вода земли умъ мой, земное пламя мое сердце; и не отражается ликъ Изящнаго превѣчнаго въ мутной поверхности мысли моей и не изображается оно въ копошиномъ пламени сердечнаго языка моего. И силясь объять Тебя, мой умъ — какъ роса лепишь и падежъ въ лонѣ Истины Твоей! и силясь сказать Тебя, расплавляется цыль сердца моего въ вѣнчїи Любви Твоей! и — повергаюсь олшаремъ духа моего предъ подножіемъ Твоимъ и оиміамомъ молитвы воскресю къ пресполю Любви Твоей! — —

Падшіе Ангелы, вы ищете Изящнаго въ предѣлахъ земнаго бытія вашего, въ шуманяхъ лепучей мечшы вашей! Тщепны исканія ваши! Трепещите и вѣруйте — и Изящное Само зашепшился въ груди вашей! Трепещите и вѣруйте, — и Топъ, Кто одѣвается свѣпомъ какъ ризою и ходишь на крыліяхъ вѣпра (Пс. 103.), Топъ, предъ Коемъ огонь предъидеши и окресиши враги Его попалиши (Пс. 95.), Топъ, Чей надъ швердью возвышается сапфирный пресполь..... » и подобіе яшмара и подобіе огня вшупрь и окресиши его, опъ чреслъ и даже до дому подобіе огня, и свѣшь окресиши, и подобіе радуги въ облакахъ въ день дождя спояние свѣша окресиши... (Иезек. 1, 26.) — Самъ великодѣный въ шверди (Быш. 5, 33, 26.) ни-

зойдетъ въ глубину души вашей! Трепещите и въруйше! По высотамъ Неба утвердилъ Онъ милоснѣ Свою на боящихся Его и на сколько Воспокъ опешонимъ опъ Запада удалилъ опъ насъ беззаконія наши (Пс. 102, 12, 13.) и обновляешъ подобно орлу юноснѣ нашу. (Пс. 102, 5.) —

Падшіе Ангелы! видите въ синей дали — дымъ видите — пламя багровое пышетъ, искры летятъ слышите — гулъ по вѣкамъ!..... Такъ Правосудіе гневаго Неба рушитъ обители нечеспія! Такъ сокрушитъ огонь его грудь, въ мракъ и въ прахъ и въ пылъ земномъ — Изящнаго ищущую!

Но взгляните: Небеса преклонились къ землѣ! взгляните: Самъ Богъ-Свѣтъ, Самъ Богъ-Любовь, Самъ Богъ - Жизнь — въ ясляхъ младенець! И Богъ - младенець посреди людей возраспаешъ; и Богъ — въ повиновеніи у людей. И вопъ — Богъ человекъ — людьми гонимъ! и вопъ — вѣчно царспвенную главу — шерніе пронзаешъ! и поруганія изрыгаются — на Всепокланяемаго! и — къ позорному древу, какъ пресупникъ, пригвожденъ Царъ силы! и — »жажду« — взываетъ Богъ пригвожденный! и — къ ушамъ Бога Благоспи, Бога Любви всесовершенной — оцепъ возносятъ! и — видите — солнце померкло земля

колеблется и мракъ и громы
 поникаешь главою — Всесильный! и — но
 Боже! не сильно слово, не силенъ духъ слѣ-
 дить Любовь Твою во всѣ спрашныя глубины
 опшверженія! Содрагаешься и мушишься душа,
 дерзая низзрѣшь въ мракъ бездны, куда нисхо-
 дишь пы, попрать духа пымы и смерши!.....
 Падшіе! шакъ облакается Благосшь пре-
 вѣчная въ плоть Адамову; шакъ приемлешь
 образъ смершнаго, шакъ несешь поруганія, шакъ
 несешь смершь креспную, да умрешь въ образѣ
 его пресшупный Адамъ! шакъ возлагаешь на
 Агнчій рамена свои всю шягошу зла всѣмъ че-
 ловѣчесшвомъ сошвореннаго, да примиришь оп-
 шшупное съ правосудіемъ Ошца превѣчнаго!
 Такъ даешь Агнецъ заклашь себя, да умило-
 шивишь вѣчное правосудіе свяшѣйшею жерш-
 вою! — И — падшіе! проникните взоромъ сер-
 дца къ могилаъ въ жершву закланнаго..... му-
 шись и слѣшнешъ вашъ взоръ Свѣшъ не-
 пресшупный сіяешь! Сынъ Бога воплоти —
 изъ гроба възспаешь! И — взгляните навысопы:
 осіанный славою Сынъ Бога воплоти — къ
 сапфирному прешполу Ошца паришь! — Пад-
 шие! молкнешъ слово усшь слабое; но видишь
 духъ, ошущаешь сердце души соза-
 кланныя Агнцу - Богу — по слѣду его возно-
 сяшся въ Царство вѣчнаго Свѣша, вѣчною Люб-

ви, вѣчной Жизни; видишь и ощущаешь
 нивніе сладчайшую кровь, вкушавшіе сладчай-
 шую плоть Бога-Агнца — пьюшь и вкуша-
 юшь Изяцное живое — Свѣтъ, Любовь и
 Жизнь!

Падшіе! такъ и въ мрачную глубину души
 вашей низойдетъ Богъ-Благоспъ неиспощимая!
 такъ и вашего Виѣлесма ясли освѣтятся рож-
 деніемъ Его! Ссраспнишесь въ груди вашей
 Богу Любви неизсякаемой! и вы увидите Бога
 Славы и Силы въ груди вашей! и вы услы-
 шите превѣчный глаголь Жизни изъ успъ на
 пресполь сапфирномъ Возсѣдающаго! и вы вку-
 сите опъ сладости непѣлеснаго пѣла Его! и
 узнаете и ошутите чпо Изяцное, чпо
 Изяцное непѣлнное! и совоскликнете Проро-
 комъ вѣчаннымъ: Благоуханіе мвра Его паче
 всѣхъ аромашъ! и мвро изліянное имя Его!
 (Пѣс. Пѣс. 1, 2.) Сладче меда успамъ словеса
 Его! (Ис. 119, 193.) Паче вина сосцы Его!
 (Пѣс. Пѣс. 1, 1.)

Услышьте глубиною сердца слово изъ
 успъ Бога воплощеннаго: »Ядый мою плоть
 и пійай мою кровь, имапъ живощъ вѣч-
 ный, и азъ воскрешу его въ послѣдній день.
 Плотъ бо моя испинно брашно, и кровь моя
 испинно пиво. Ядый мою плоть и пійай мою
 кровь, во мнѣ пребывасшъ и азъ въ немъ. Яко-

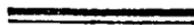
же посла мя живый Опець, и азъ живу Опца ради, и ядый мя, и шой живъ будешъ мене ради. Сей естъ хлѣбъ сшедый съ небесе: ядый хлѣбъ сей, живъ будешъ во вѣки.« Такъ рекъ Сынъ Божій сонмищу народа; и не разумѣвшимъ словъ Его ученикамъ и говорившимъ: »жеспоко слово сіе, кто можешъ его послушашъ?« — пакъ пояснилъ божественную глубину словъ Своихъ: »Духъ естъ, иже оживляешъ, плоть не пользуется ничшоже: глаголы, иже азъ глаголахъ вамъ, духъ супъ и живопъ супъ.« Слышите, падшіе! что Изяцное? слышите, что пища души живая? пища и пише души сладчайшія? Его кровь, Его плоть! А Его плоть — духъ! Его плоть — глаголы Его! А глаголы Его — Онъ Самъ, Самъ Богъ-Свѣтъ, Самъ Богъ-Любовь, Самъ Богъ-Жизнь! »Ядыймя,« глаголетъ Онъ, »шой живъ будешъ.« —

Падшіе Ангелы! Служипели кумировъ мечны! Обожашели шума и дыма, а не Изяцнаго! Приидите къ Изяцному воплощенному! приидите видѣшь и познашь Его! приидите слышашъ Его! приидите вкусить Его! приидите пишь Его, дышашъ Имъ! Падшіе! возродимшесь! Возродимшесь духомъ въ новую жизнь и воскрилимшесь! Воскрилимшесь и воспаримше шуда, гдѣ глаголы Его! Взакаемше уснами сердца свѣпной плоти

глаголовъ Его! возжаждемъ горпанию глубины сердечной живыхъ спируй крови Его! Всѣмъ сердцемъ и всею душою взалкаемъ и возжаждемъ, взалкаемъ, возжаждемъ и возлюбимъ Наисладчайшаго! Всею любовью души возлюбимъ Наилюбезнѣйшаго! Всею любовію души возлюбимъ Нанизящнѣйшаго!

Его сладчайшей плоти вкусивъ, Его сладчайшей крови испивъ, падшіе Ангелы! мы пронзимъ мглу тучъ земныхъ и воспаримъ въ чистѣйшій эфиръ жизни вѣчной! Скинемъ оболочку земную и — свѣтъ будетъ пѣло наше и — рѣки опъ чрева нашего пошекутъ воды живы! Воспаримъ въ область Свѣта Его и примкнемся къ хору Херувимовъ и Серафимовъ и сольемъ чистую пѣснь нашу съ свяшѣйшими ликами ихъ и воспоемъ и възиграемъ въ хорѣ ихъ Славу Изящнаго всесовершеннаго у подножія превѣчнаго престола Его!

Солнцы погаснутъ и міры исплѣютъ, и своды простиранства обрушатся и рѣка времени изсякнетъ: но мы, вкушившіе плоти Бога, испившіе крови Бога, — во вѣки не преспанемъ — пѣть сердцами славу Его! —

3й Ошломокъ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

Особенный Характеръ Европейскаго
духа времени.

(Выписка изъ Французской книги. *)

. . . Въ наше полько время, и люди благонамѣренные, вообразили, чпо между добромъ и зломъ, между заблужденіемъ и испиною, между нечесшіемъ и вѣрбою, можно будшобы найши какую-шо средину и держашься ея. — Сіе мнѣніе поколебало всѣ начада, всѣ правила, всѣ законы положительные. Опъ него все сдѣлалось испииннымъ и все ложнымъ. — Когда нужда въ Религii — за нее вспуающься. — Какъ скоро вопль ея враговъ усилился — опъ нее опспуающься, какъ-бы спыдьясь ея. — Сіе колеблеть добрыхъ; злые же, видя силу свою, удосповѣряющься въ успѣхъ ихъ дѣяшельности и проспиррающь дерзоспъ свою далѣе. — Нечеспіе имѣеть свою Религiiю, возсоединеніе съ Свѣтоносцемъ, холодную, какъ гордоспъ его, но фанатическую. Подъ

(*) На мѣста въ сей стапѣ, означенныя звѣздочками Изд. предоспавляетъ себъ въ послѣдствii сдѣлать въшпорья замѣчанія. —

именемъ наукъ обожаетъ оно разумъ чело-
вѣческой. — Для него наука есть Богъ міра;
оно въ него одного вѣруеть, на него одного
надѣется, его одного любитъ; по его дог-
мамъ мудрость и всемогущество сего Бога,
должны обновить лице земли и быспро воз-
неси челоука на такую степень совершен-
ства и счастья, копорой онъ не можетъ и
предспавить себя. — Сія Религія имѣеть свою
полную систему, свои догматы, свои таин-
ства, свои пророчества и даже свои чудеса
(магнетизмъ). Она имѣеть свое богослуженіе,
свое священство, своихъ миссіонеровъ, и ее-по
хотять поставитъ на развалинѣ всѣхъ про-
чихъ Религій.

Два ученія борются въ мірѣ. Они спре-
мятся, одно: соединить людей; а другое
разлучить ихъ. — Въ одномъ все общее,
власть, вѣра, обязанности, и каждый членъ
гражданства, существую единственно для него,
содѣйствуетъ его благоуспроиству совершен-
нымъ покореніемъ разума, сердца и чувствъ
своихъ, закону непреложному. — Въ дру-
гомъ, напрошивъ, все личное; и опъ того-по
мѣсто обязанностей занято въ немъ однѣми
выгодами; а власть, — независимостью.
Въ немъ каждый, будучи владыкою своихъ:
разума, сердца и дѣлій, признаеть одинъ

только законъ, собственную свою волю; одно только правило, свои желанія; одну только узду, силу. И пошому-то, какъ скоро гдѣ-либо наружная сила ослабнетъ, тамъ немедленно возникаетъ междоусобіе, нападающъ на все существующее и общество подвергается разрушенію.

Стараются усыпить вниманіе къ симъ произшествіямъ, говоря, что всегда были въ мірѣ мянежи и пресупленія. — Правда, всегда были безпорядки между человекѣми; ибо всегда были заблужденія и спраспи: вѣчная борьба зла съ добромъ. Но прежде знали что есть добро и зло; — а теперь не знаютъ; въ томъ и другомъ равно сомнѣваются.

Прежде люди самые развратные привязывались къ злу частному, кошорого плодъ прельщаль ихъ. Пресупленіе было способомъ; но не цѣлію. — Убивали изъ мщенія или изъ корыспи; но не было убійствъ и гоненій систематическихъ. — Убивая, не отвергали вѣчнаго закона: Не убій. — Развратъ сердца рѣдко заражалъ разумъ. — Слова порока и добродѣтели имѣли одно, всемірное значеніе. — Общественный капиталъ признанныхъ истинъ, общепринятыхъ правъ, порядка общественного, — лежалъ неприкосновеннымъ; никто и не предспавлялъ

себѣ, чѣмъ можно было его открыто разграбить. — Тѣ самые, кои потаскивали его мелочами, щипали общую его неприкосновенность священною. — Война происходила на самой отдаленной границѣ обществъ; или во мракѣ, противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, такъ, что обыкновенная исполнительная власть всегда имѣла довольно силы для защиты Государственнаго спокойствія и личной безопасности.

Нынѣ всѣ узы распоргнуты. Человѣкъ среди общества уединенъ, одичалъ; вѣра общественная исчезла; умы, сами себѣ ослѣпленные, не знаютъ куда дѣшьяся и колеблуются въпрямъ тысячи противоположныхъ направленій. Опъ сего-то произошелъ всеобщій безпорядокъ, и какое-то страшное непостоянство въ образѣ мыслей и установленіяхъ. Люди, какъ-бы равно упомянутые и заблужденіями и истиною, равно отбросили и истинную и другую. — Въ сердцахъ поселилась какая-то неимоверная тоска, скука, отвращеніе опъ жизни и ненасытимая потребность разрушенія. Чувство сіе, опличительный характеръ нашего времени, обнаруживается въ тысячахъ образовъ и во всѣхъ классахъ. Богатый и бѣдный, народъ и Вельможа, всѣ какъ будто-бы преслѣдуемые грознымъ привидѣ-

ніемъ того вѣка, который они опровергнули, бѣгутъ отъ него и спѣшащъ бросишься въ безвѣстную будущность! — Въ насполщемъ опсвѣчивается еще что-то прошедшее, — и сей мелькающій опблескъ ихъ пугаетъ. — Успрашенный умъ перешагнулъ чрезъ всѣ оплошы, опрокинулъ всѣ приграды. Онъ ничего болѣе не видишь, кромѣ всеобщихъ перевороповъ, кромѣ всеобщаго испреблснїя, не забоясь даже и о помъ, чѣмъ замѣнишь разрушаемое. — Хочешь новой Религїи, не зная какой; новаго образованїя обществъ, не зная какого; новаго законодательства и новыхъ нравовъ, не зная какихъ. И въ семъ-то хаосѣ буйства и безсмыслия упожаешь здравый смыслъ общественный.

Одинъ Богъ не оставленъ независимымъ; онъ подчиненъ законамъ природы, исходящимъ изъ сущеснїа Его, спольже совершеннымъ какъ Онъ самъ, спольже непреложнымъ какъ Онъ самъ. — Въ единствѣ быпїя Его, Деизмъ заключилъ Его въ какое-то вѣчное уединенїе; а Атеизмъ, скипаясь по сей безпредѣльной шемницѣ, и сосвѣтъ Его не находитъ!

Какимъ же образомъ общественный человекъ можетъ сущесствовашъ въ совершенномъ уединенїи? — Души и тѣла не имѣютъ другой жизни, кромѣ той, которую прїемлютъ подъ

условіемъ сообщать ее. — Опъ сей необходимозаимной зависимости родился порядокъ, копорый стоить на двухъ основаніяхъ: на власи и на повиновеніи. — Но гордость не любишь повиновашься, и пошому-то опшвергаешь всякую влась. Нечестный говоритъ: Буду самъ себѣ царемъ. И пошому вѣришь одному себѣ, надѣешься на одного себя, любишь одного себя, и все опносишь къ одному себѣ. — Чѣмъ же различаешься онъ, въ эшомъ положеніи, опъ дикаго? И чшожь эшо значить иное, какъ не разрушеніе общества, копорое состоить въ вѣрѣ къ кореннымъ испинамъ, по общему свидѣтельству о нихъ, въ любви къ другимъ, и въ самоопшверженіи, опъ сей любви опрокающемъ? — Общество значить связь, въ копорой пожертвованіе собою, ешь единственное начало порядка и единое средство къ его охраненію. (*)

Изъ двухъ ученій, коихъ основныя начала мы здѣсь весьма кратко изложили, одно ешь Христіанство; а другое пошь разнородный сборъ чашпныхъ мнѣній, копорый называется Философіей. Топъ бурный пошокъ своемыслия, копорый по скашамъ, болѣе или менѣе крупнымъ, низпадаешъ въ пропасть Атеизма.

Теперь покажемъ мы, какъ всякое мнѣніе переходитъ изъ головы въ сердце и рождаетъ въ немъ сообразное съ собою чувство. — Возьмемъ въ примѣръ сей основной законъ обществъ: Чти отца своего и мать твою. — Какъ скоро онъ принятъ; но изъ него происходятъ почтеніе къ родителямъ, къ начальству, къ самому Богу, а опъ правила: ты ничѣмъ никому, кромѣ одного себя не обязанъ, родися, напропивъ, одна исключительная любовь къ себѣ, необузданное самолюбіе и гордость. — Тоже самое правило, которое приложили мы теперь къ сему опредѣльному закону, прилагается, съ большею еще ясностію, къ цѣлому ученію; ибо каждое ученіе исходитъ обыкновенно изъ одного общаго начала; и пошому къ каждомъ ученіи есть и общее чувство, оживляющее его общему началу; и сіе-то чувство, собственно, образуетъ особенный характеръ каждаго ученія.

Господство Божіе есть общее начало Христіанства; изъ него происходятъ общая обязанность: свободнаго повиновенія; во первыхъ Богу, и потомъ властямъ общественной и сѣмейной, во имя Божіе. Свободное же повиновеніе есть покорность любви,

есть жертва; ибо нѣтъ любви безъ жертвы. Следовательно общее чувство Христіанства есть любовь. — И дѣйствительно, что видимъ мы въ ученикахъ Иисусовыхъ, и почему можно узнавать ихъ? — Именно и единственно по безпредѣльной, всеобъемлющей любви, которая каждый день, предъ глазами нашими производить сполько чудесъ самоотверженія? Любовь къ Богу, любовь къ Царю, любовь къ ближнему, всегда готовая излишья въ благошвореніяхъ, въ услугахъ, въ ушѣтеніяхъ; любовь къ самымъ врагамъ, которая не въ помъ соспоишь, чпобъ забываніе обиды; ибо забвеніе не есть любовь; но въ постоянной готовности прощать ошъ всего сердца; любовь къ благоуспройству и съ нею вмѣстѣ опвращеніе ошъ всякаго своеволія; любовь къ законамъ, охраняющимъ сіе благоуспройство; любовь къ исполнителямъ сихъ законовъ. Словомъ, любовь въ Государствѣ, въ сѣмействахъ, ко всѣмъ челоѣкамъ, образованнымъ и дикимъ, готовая умереть за ихъ спасеніе. (*) Любовь безъ исключенія и предѣловъ! (†)

Всѣ ученія Философскія, будучи, напротивъ, отрицательны, или что одно и что

(†) Псалмъ Псалмѣй, глав. VIII, 6.

же, разрушительны, имѣютъ общимъ началомъ: Господство чловѣка; а какъ скоро чловѣкъ, признаетъ себя Самовладыкою; то онъ шѣмъ самымъ естъ уже бунтовщикъ прошивъ Бога и прошивъ всякой власни ошъ Бога успановленной; Бунтовщикъ же только ненавидѣшь можешъ, слѣдовательно, общее чувствво, Философскими ученіями раждаемое, естъ ненависть. — Да и кпо въ помъ усомнился, вспомнивъ царство Философій подъ видомъ разныхъ Французскихъ революцій? — Кпо усомнился, взглянувъ на то, что дѣлала она въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ и еще недавно подъ глазами нашими вокругъ насъ? — Какое оспервененіе самыхъ звѣрскихъ спрастей; какое упонченіе злобы; какія неслыханныя пресупленія! — Что это иное, какъ не самая адская ненависть, со всеми ея ужасами? — Ненависть къ Богу; ибо хотѣла бы уничтожить не только Его Религію, Его служеніе; но и самое имя Его. Ненависть къ священной Иерархіи, которую клеветешъ, гонитъ и казитъ, по ненависти къ Богу, вездѣ, гдѣ можешъ. Ненависть къ Царямъ, къ Дворянству, ко всемъ существующимъ успановленіямъ. Ненависть ко всякой предержащей власти; и наконецъ, любовь къ своеволію! Ненависть къ

законамъ, копорые охраняють пищу, обуздывая спраси; Ненависть къ исполни-телямъ законовъ. — Ненависть въ Госу-дарствѣ, въ семействахъ. (†) Ненависть все-мирная, обнаруживающаяся въ мясехахъ, въ убійствахъ, въ пламенномъ желаніи разрушенія. (*)

Какое ученіе исповѣдовало по чудовище нашего времени, копорое поразило надежду Франціи въ лицѣ Герцога Беррійскаго? — То существо, коего вся душа слиша была изъ одного преспуленія, копорое заснуло, совершивъ свое злодѣаніе? (††) — Апейзмъ. Какое ученіе исповѣдовалъ Лелевель и ученики его? — Деизмъ; шо естъ, покрашенный Апейзмъ — Религію Лувеля!

Изъ прошивоположныхъ чувствъ сими двумя прошивоположными ученіями (Хрис-тіанскимъ и Философскимъ) раждаемыхъ, произ-

(†) Когда были обыкновенные и споль многочисленны семейственныя злодѣанія: Опщесубійства, мужеубійства, женоубійства, дѣноубійства, самоубійства, отправленія, — какъ не въ вѣкъ Философіи? — Прочтите процессъ, Resurrection men, недавно въ Англіи производившійся, и загляните въ Уголовные Суды Франціи. Совсѣмъ новые роды ужаснѣйшихъ преспуленій дѣлаются почти обыкновенными, какъ въ прежнее время кража, и проч.

(††) Смолри допросъ его въ Парижскихъ газетнахъ шого времени.

ходящъ два рода жертвъ: Пожертвованіе собою другимъ — жертва любви; и пожертвованіе другими себѣ — жертва ненависти. Но ненависть имѣетъ разныя степени. Она не споль свирѣпа памь, гдѣ остається еще нѣкоторое преданіе, хопя и извращенное — о Божеспвѣ; ибо памь имѣетъ она еще предѣль; ибо памь она признаетъ еще нѣкоторыя обязанности. Такъ язычество жертвовало частнымъ человѣкомъ обществу; но въ Религій Философской жертвуется цѣлымъ обществомъ частному лицу. —

Добровольное пожертвованіе всякаго человѣка, самимъ собою обществу, находится въ одной Хрисціанской Религій; и сія жертва состоитъ изъ всего человѣка. Изъ жертвованія собственными его мнѣніями и личнымъ образомъ мыслей; изъ жертвованія его склонностями и частными выгодами; изъ жертвованія самою его жизнью, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ польза общая того пребуешь. — Вошь единое, прочное основаніе общества; и пошому не можетъ оно въ Европѣ снова, незыблемо иначе возстановишься, — какъ помощію Религій. И пошому-то нынѣ споль очевидно общее къ ней стремленіе, всѣхъ людей прави-

лами добродѣтели и — благородными чувств-
вами къ благоустройству общественному еще
привязанныхъ. —

Письмо къ Издашелоу

М. Г. А. И.

Сердечно благодарю за привѣтливый при-
емъ моихъ деревенскихъ издѣлій. — Сурово
не бѣлье свое руководѣлье. — Всѣ любез-
ности и учтивства ваши цѣню весьма дорого.
Но принимаю съ разборомъ. — Съ удоволь-
ствіемъ, независимымъ опъ своекорыстія,
прочель я примѣчаніе ваше, на впорой кусокъ
моего мозаика и пѣмъ болѣе ему обрадовался,
что наспояцій опломокъ держалъ уже, въ по
время, въ рукѣ, какъ бы предугадавъ желаніе
ваше имѣть его. — Посылаю при семъ. —
Прошу извиинить, что немножко тяжель, по
закону центробѣжности, и чрезвычайно
пестръ; но видно шакоеъ былъ спаринный
вкусъ; а мнѣ нельзя, ломая съ краю, выбирашь
красивѣйшіе узоры, какъ бы желалъ того. —
Я надѣялся, что опять опломаясь Кометы;
но опкололась Планетная система. — Это,

впрочемъ, все равно, какъ вы знаете, по модной кометографiи.

Вашъ искреннѣйшій почитатель,
С. Спасское. М. Простодумовъ.

Дѣй Ошломокъ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА. (*)

Выписка изъ вѣпораго пропокола обсерваторiи села Спасскаго.

... Сего дня пора однакоже приняться за что нибудь поважнѣе астрономическихъ моихъ прибаутокъ. — Мало ли предметовъ: — Астрономы безъопасно замѣтили, что нѣкоторыя изъ звѣздъ, кои почитали они неподвижными, начали уменьшаться, и какъ бы уходить, въ какую-то глубь. — Они увидѣли на небѣ какое-то темное пятно, которое одинъ Германскій Ученый премудро назвалъ — угольнымъ мѣшкомъ. — Они еще не знаютъ чѣмъ свѣтитъ солнце? отъ чего на немъ бывають пятна? какимъ образомъ случается, что когда пятна сіи болѣе

(*) Сообщено издателю отъ Г. Простодумова и еще нѣсколько любопытныхъ ошломковъ и осколковъ.

и должны бы были уменьшать теплоту его, тогда именно бывало льто шеплѣе? — Не знаюшь, на что и куда склоняется Эклиптика, точно такъ, какъ предувѣдомилъ ихъ о томъ, за семдесятъ лѣтъ, благочеспивый нашъ Эйлеръ. — Не знаюшь .. многого не знаюшь, — больше не знаюшь, чѣмъ знаюшь. — Тѣмъ лучше для тебя — приступай смѣлѣе къ открытіямъ. — Вѣдь, и другіе дѣлали ихъ на щастіе. — Какъ знаешь? Можешь бышь шы-по все недоспающее и открыешь, — тогда соберушь кучку изъ запасныхъ звѣздъ, произведушь ее въ созвѣздіе, и его назовушь — чердакомъ села Спасскаго! — Такъ разсуждалъ я, подходя къ моей обсерваторіи, и, съ чувствомъ какой-то благородной гордости, мудреца разширившаго кругъ познаній человѣческихъ, отличне послужившаго царству разума, я опперъ дверь. —

О, телескопъ мой! — орудіе будущаго моего величія — чудесная колесница, на которой быспрѣе и безопаснѣе Фаетона могу я обещь все необьяшное мірозданіе. — О новый, ангельскій глазъ, задапокъ будущаго всевѣденія чловѣка. — О Галилей! — тебѣ сбязаны мы даромъ сего шеснаго чувства; — посшавлю бюспѣ твой выше Кеплера и Нев-

пона, и всѣ открытія ихъ и мои положу къ его подножію. Чшо за возшоргъ Г Аспрономъ? чшо за Поэзія? — ты забылъ достоинство ремесла своего; онгъ тебя не Пиндаровыхъ Диеирамвсѣхъ, а почныхъ наблюдений, вѣрныхъ выкладокъ ожидаютъ. — Какъ хочешь ты, чшо бы въ шакомъ дѣлѣ, гдѣ все основано на одномъ довѣрїи, повѣрили тебѣ, когда въ порывахъ пиннической фурїи своей, еще только обпирая телескопъ, ты уже занесъ шакую гиль? — Подожди съ апопеозомъ Галилею, и прежде всѣхъ прославленій и его и тебя самого, вспомни, какъ попался чловѣку въ руки телескопъ, совсѣмъ нечаянно; и швой славный Галилей не изобрѣлъ его; а только приспособилъ къ дѣлу открытіе совершенно случайное: — Эшо однакоже правда: — Въ самомъ началѣ семнадцатаго сполѣтїя извѣсны уже были просные очки, помогающіе слабому зрѣнію. Мешій въ Голландїи, Янсъ и Лапре въ Миддельбургѣ, дѣлали ихъ. — Дѣши одного изъ сихъ художниковъ, играя спеклами для очковъ заготовленными, посшавили, невзначай, два спекла, одно прошивъ другаго, въ нѣкоторомъ распоянїи, и примѣтили, чшо предметы кажущся сквозь нихъ — ближе. — Объ эшомъ заговорили въ видѣ любопытности, — и слухъ до-

шелъ до Падуи, гдѣ жилъ тогда Галилей, человекъ съ отличными дарованіями и знаніемъ. Онъ поговяся, начально, по соспоянію своему, въ Медики, — спалъ учиться Магемашикѣ осьмнадцати лѣтъ; и двадцати пяти занималъ уже Профессорскую кафедру сей науки въ Пизскомъ Университетѣ. — Зависть лишила его сего мѣста, и онъ перешелъ, на шакоже, въ Падуу, копорая зависѣла тогда отъ Венеціи. — Галилей воспользовался опкрышіемъ дѣшей, подвергнувъ его всѣмъ нужнымъ опытамъ, согласно съ законами Оптики. Сдѣлалъ трубу изъ картонна, вспавилъ одинъ конецъ ея, стекло съ одной спороны гладкое, а съ другой выпуклое, обернувъ выпуклою спороною къ наружѣ, — и назвалъ стекло сіе, предметнымъ (*objectif*); ибо оно есть ближайшее къ разсматриваемому предмету. Въ другой конецъ свсей трубки поставилъ онъ стекло съ обѣихъ споронъ впалое, и назвалъ его глазнымъ (*oculaire*); ибо оно приспавляется къ глазу, и — картонная трубка его спала увеличиватъ предметы въ три крашы. — Галилей надѣлалъ другихъ трубокъ, длиннѣе, шире и дошелъ до увеличивающей предметы въ тридцать три крашы. — Хотя это далеко еще были отъ трубъ ахроматическихъ; но уже далеко и отъ

игры дѣшей стеклами. — Онъ поднесъ новоизобрѣшенный инструментъ свой Сенапу Венеціанскому.

Поставилъ его на ножку и взвелъ на небо. Какое зрѣлище поразило взоръ его! — Луна въ двадцать три крапы большая шой, кошорую видѣлъ онъ дополъ, вся покрыта пещинами, ямами, горами. — Венера сняла покровъ свой — онъ увидѣлъ ея ущербъ и прибыль. Юпитеръ явился не лучистою и угловатою звѣздочкой, но блѣсоватою, маленькою луною, совершенно круглою, съ спаринный серебряный рубль величиною, и съ несвѣтлыми полосами. Четыре маленькія почки, въ равномъ отъ него распояннн, по горизонтальной линнн, порхали съ лѣвой на правую его сторону, — это его спутники! — Сатурнъ поже предспавился луною; но еще меньшею. У него двѣ ручки (какія бывающъ у вазовъ), двѣ свѣтлыя вышуклости, одна съ правой, другая съ лѣвой стороны. (Позднѣ увидѣли, что это кольцо) — Наконецъ, наставивъ трубку на звѣзды, онъ увидѣлъ, что хоша и кажуща онъ круннѣ; но ихъ отккрылось множество. Онъ нащипалъ ихъ пшдешашъ въ головѣ Медузы, гдѣ невооруженному глазу казалось только семь.

Но какъ не взглянуть на солнце? — и какъ взглянуть на него не ослѣпясь его сіяніемъ? — Онъ закопшилъ дымомъ глазное стекло своего телескопа, и умѣривъ шѣмъ ослѣпительное блиспаніе сего великаго свѣшила; могъ свободно его размапривать, въ видѣ краснаго шара; увидѣлъ въ немъ нѣсколько пятенъ, на другой день новые, на третій ни одного, и заключилъ, что солнце предшавляетъ ему разныя свои спороны, и слѣдовашельно, обращается вокругъ самого себя.

Такъ подумывалъ я, обширая телескопъ свой; но дойдя до чистки предметнаго стекла, снялъ съ него мѣдный колпакъ, и, чпоже увидѣлъ? — Оно все покрыто было самою мѣлкой и плотною паупиной, какъ кружевомъ. — Чпо за спранность? — Чпо хочешъ сказашъ мнѣ эпошъ паукъ, два уже раза мѣшались въ астрономическія дѣла мои; самымъ наглымъ образомъ, и все какъ будто явше и ближе чпо-шо мнѣ указывая? — Ну хорошо, гостъ не званный, давай разговаривать. — Ужь не изъ ученыхъ ли ты? и по понкому чупью своему, не проглядываешъ ли въ мои поговорки слишкомъ далеко впередъ; и не хочешъ ли, можешъ быть, сказашъ мнѣ чпобъ я замолчалъ и осперегся радужности спеколъ моихъ, не Фраунгоферскихъ? — Молчишь па-

укъ. — Да что же ты выразить намѣренъ? — Ты существо доброе; я много знаю прекрасныхъ своихъ поступковъ съ людьми бывшими въ заключеніи, въ бѣдахъ и несчастіяхъ: когда ласкашли, и даже друзья, оставляли ихъ, — ты приходилъ къ нимъ, знакомился съ ними, развлекалъ грусть ихъ. Спало ты ничего дурного сказать мнѣ не хочешь; а вѣрно намекаешь что нибудь доброе и полезное. — Да что такое? — Бѣда, что ты молчаливъ и упребрежешь сомною какой-то символическій языкъ, который трудно разгадывать. —

Попышаюсь однакоже. — Не хочешь ли ты сказать мнѣ такъ: Посмотри на мою паутину. Видишь какъ тонка! Ни какой фабрикантъ лучшихъ Брисельскихъ и Алансонскихъ вашихъ фабрикъ, не умѣетъ выдѣлать подобнаго кружева. Но что ты скажешь, когда, (какъ я подслушалъ по и самъ съ удивленіемъ въ кабинетѣ одного изъ славныхъ ученыхъ), когда узнаешь, что каждая ниточка этой паутины состоитъ изъ шестнадцати тысячъ нитокъ! — Я, правду сказать, самъ не щипалъ, — но еслили это правда, то какова моя прядильная машина? — Какъ же можешь ты не только съ презрѣніемъ; но даже и съ нѣкоторымъ на меня негодованіемъ, хотѣшь разрушишь столь див-

ную работу? — И на что же? — хоть бы уже для дѣла; а по единственно для того, чтобъ поглазѣть подальше въ небѣ? — Что ты тамъ увидишь? Кольцо Сатурново? но какая прибыль? И лучшіе тебя Астрономы не знаютъ, что оно такое? — Переносъ за шридевать земель свою земную мѣрочку, твердятъ они, что это замерзшая атмосфера, тамъ, гдѣ можешь быть нѣтъ ни спужи, ни шепла, ни атмосферы. — Курамъ смѣхъ! — Не лучше ли небѣ, вмѣсто астрономическихъ наблюдѣній, пуснишься въ микроскопическія? Увидишь какъ осучена моя шесшнадцатиштысяченишная веревка. Увидишь какъ изъ небольшого шѣла моего эшими чудными нишями я пострѣливаю, скоро и мѣшко. Какъ располагаю паушину свою шакъ, что паденіе самой маленькой пылинки, или крыло чупъ примѣшной мошки, приводятъ всю ее въ немедленное сбитрясеніе, до самаго гнѣзда моего. Какъ эша шлѣнная и легкая сѣшь крѣпка своею слабостью, и часшо шакъ крѣпко бываетъ привѣшена, что между шѣмъ, какъ буря рветъ съ домовъ вашихъ крышки, раздраетъ огромные парусы, ломитъ дубовыя мачты, — а мою паушину шолько что покачивается! — Ты въ микроскопъ увидишь, какіе чудесные и разнообразные законы управляютъ

круговращеніемъ сока въ распеніяхъ. Увидишь, что кровь живошныхъ соспавлена изъ живыхъ шариковъ. — Найдешь въ сей жизненности ея разгадку: *vis vitalis*; изъясненіе, почему запрѣщено ѣсть кровь живошныхъ; почему кровь Авеля могла точно вопіять на брапоубійцу; почему кровавыя жертвы всемірно приносились и въ законъ Моисеевомъ установлены, и проч. — Вошь превосходство микроскопа надъ телескопомъ! — Однакожь, ежели ты уже непременно рѣшилъ не всматриваться въ премудрость Божию дома, въ себя самомъ и около себя; а упорно хочешь видѣть ее вдалекѣ, шакъ узнайже прежде ту область, въ которую ты вступишь осмѣливаешься: Знай, что предположивъ кругъ обшекаемый Ураномъ около солнца, предѣломъ нашей солнечной системы, и прибавя къ сему кругу пространство, оидѣляющее Урана отъ опдаленнѣйшаго изъ его спутниковъ, Имперія нашего солнца заключаетъ въ себя болѣе тысячи пяти сотъ двѣнадцати милліоновъ Французскихъ почтовыхъ миль, в длину и поперекъ; что соспавишь, говоря астрономически, поверхность: $\begin{matrix} \text{v} & \text{iv} & \text{iii} \\ 1,796,256, & \text{квадратныхъ} & \text{миль.} \end{matrix}$

Но какъ поверхность сія равна во всѣ стороны; шо и заключаетъ она въ себя про-

странство: 1, 666, 927, 368, 000, 000, 000, 000, кубическихъ миль.

Эту необъянность должно усоперить, ежели кометы признаются планетами; ибо ихъ эллипсисъ, вдвое и втрое далѣе круга Уранава.

Но въ то время, какъ воображеніе швое содрагается уже, перелясь въ сей спрашной обширности солнечной системы, представь себѣ, что ты только по сю сторону Урана! — За нимъ еще пылающъ Сириусъ, Вега, Аркшуръ, огромнѣйшія солнцы, и нѣсколько милліоновъ солнцевъ (*). Но говоря даже нѣсколько милліоновъ, не должно

(*) Ибо математически доказано, что неподвижныя звезды суть солнцы; и доказано такъ:

По необъянному разстоянію своему отъ нашего солнца, звезды сіи не могли бы принимая отъ него свѣтъ, досылать его до насъ. Сей свѣтъ такъ уже слабъ, когда возвращается отъ къ намъ отъ Урана, что мы не можемъ видѣть сей планеты иначе, какъ въ телескопъ; а Уранъ отстоитъ отъ солнца только на 755тъ милліоновъ свѣтъ солнечный долженъ бы былъ совершить путь сей, (755тъ милліоновъ миль,) болѣе милліона разъ, для освѣщенія ближайшей къ солнцу звезды, и еще такой же путь, при отраженіи на землю. Отъ былъ бы, следовательно, ослабленъ въ два милліона разъ противъ Урана; и потому сталъ бы въ два милліона разъ невидимъ невооруженному глазу; а мы видимъ сіи звезды; видимъ какъ не можемъ видѣть Урана, т. е. безъ телескопа. И потому на-вѣрное заключаемъ, что отъ блистая собешвеннымъ свѣтомъ, суть солнцы.

забышь, что лучший досель телескопъ, пакъ намъ показываешь; а можешь бышь ихъ милліоны милліоновъ или лучше, пакой щеть, копорый у насъ иначе не можешь бышь и названъ, какъ безчисленностью. — Кто ограничишь власъ Божию? — Си за Уранскія солнцы, вѣроятно, пылающъ поже не напрасно, и вокругъ нихъ обращающъ, безъ сомнѣнія, сполькоже милліоновъ, пакихъ же планетныхъ системъ, какъ и наша. — И пакъ вопъ куда собрался ты проглянушь сквозъ эту жалкую скважину, копорую называешь своей шрубою! — Тысячи милліоновъ планетныхъ системъ, съ мѣрадами своихъ обитателей, совершающъ въ семъ небеси небесъ пушь свой, для того только, чшобы повѣдать славу Божию! — Чшо значашъ, въ сей недомыслимой безконечности, швои и всѣхъ другихъ подсматриванія, подслѣпнымъ глазомъ кроша обзирающія билліонный кружечекъ сей чудесной бездны красотъ, величія и славы! — Ежели хочешь ты, на горошенкѣ своей, бышь дѣйствительно полезнымъ; шо послушайся меня — (казалось мнѣ продолжалъ паукъ), — оспавъ паушину мою въ покоѣ, закрой опять кошакъ, снятый шобою съ шрубы и подойди къ бюспу Невтона, копорый споишь на шкапѣ швоемъ противъ Кепле-

рова; изучи у подножія сего великаго чело-
вѣка истинныя его понятія о мірозданіи;
узнай, чшо онъ не шакъ думалъ о немъ,
какъ огласили шо люди, послѣдоваше-
лыми его себя ложно именующіе. — От-
крой сію истину современникамъ швоимъ;
искупи память мужа благочестиваго и под-
линно славнаго, онъ нечестиваго нареканія
въ шомъ чшо, будшо бы онъ основалъ шакую
сиспему міра, кошорая движешся слѣпыми,
механическими силами. — То ли шы мнѣ
хотѣлъ сказашь паукъ? — Онъ молчишь; а
кто молчишь, шопъ соглашаешся. —
Я закрылъ шрубу — пошелъ къ Невшонову
шкапу, рылся въ книгахъ, чишалъ, перечишы-
валъ, дѣлалъ замѣшки, и карандашемъ и загибал
лишы; выписывалъ, переводилъ, и — вошь
чшо сосшавилось.

(До слѣдующей книжки.)

АННА МАРГАРЕТА ЦВАНЦИГЕРЪ.

Истинное происшествіе.

(Окончаніе.)

Анна Маргарета Цванцигеръ была 50 лѣтъ
когда попалась въ руки правосудія. Росшу она

была малаго, худощава и неуклюжа; блѣдное, шощее лице ея, покрытое морщинами, носило оппечатки сладоспраспной жизни; изъ глазъ смошрѣло какое-то чувство ненависти и зависти; и въ то время какъ на устахъ безспрестанно показывалась улыбка, равнодушіе изображалось въ черпахъ лба. Въ обхожденіи была она до чрезмѣрности учлива и льсплива, но припомъ съ нѣкотораго рода кокешспвомъ. Желаніе нравиться мужескому полу не оставляло ее даже и въ шемницѣ; и судѣ, допрашивавшему ее, и приобретающему хорошимъ обхожденіемъ съ нею ея довѣренность, говорила она однажды, чтобы онъ не заключалъ изъ ея насипоящаго вида о прежней красоспѣ; что она была прежде прекрасна собою, очень прекрасна.

Цванцигеръ родилась 1760. года 7. Августа (въ собспвенныхъ своихъ запискахъ однакоже дѣлаетъ она себя четыремя годами моложе) въ Нюренбергѣ, въ пракширѣ чернаго креста, принадлежавшемъ опцу ея, Шенлебену. Черезъ полшора года лишилась она опца, а на пяномъ году опъ роду единственнаго брата и мапери. Сначала взяла ее къ себѣ одна пожилая дѣвица въ Нюрнбергѣ; опъ шуда черезъ 2 или 3 года перешла она къ шепкѣ своей въ мѣспсчко Фейхпъ, копорая была ей по

словамъ ея вшорю маперью; опть сюда года черезъ два возвратилась въ Нюрнбергъ къ одной вдовой паспоршъ; наконецъ лѣшьдесяти взялъ ея опекунъ ея, богатый купецъ, къ себѣ въ домъ. Опекунъ далъ ей не простое воспитаніе; кромѣ закона Божія и кромѣ женскихъ работъ, въ копорыхъ она достигла до значительной степени совершенства, училась она въ домѣ его чашашъ, писашъ, Ариеметикѣ и Французкому языку.

Едва достигла она 15 лѣшь, какъ опекунъ назначилъ ей женихомъ Цванцигера, бывшаго послѣ Нюшаріусомъ. Она не любила этого человека и долго уклонялась опть него. Наконецъ однакоже убѣжденія опекуна превозмогли и она на 19^{шомъ} году вышла за Цванцигера замужъ. —

Насильно соединенная съ мужемъ, копорого она »какъ дшя розги« боялась, не привыкши къ ограниченной и тихой жизни, въ копорую перешла изъ жизни веселой и шумной, принужденная жить большею часью уединенно, ибо мужъ либо занялъ былъ своею должностью, либо цилъ въ бесѣдѣ друзей: она сначала спаралась убивашъ скуку чшеніемъ книгъ. »Первая книга, какую я читала была: Справданія Вершера. Эша книга такъ сильно на меня подѣйшвовала, что я безпрестанно поч-

ни плакала за нею. Если бы у меня былъ тогда приспосебъ, я бы также заспрѣлилась. Послѣ этой книги читала я Памелу и Эмилию Галопши.» Такъ она сама говорила.

Но вотъ настало время, когда ей спали наскучивашъ уединенныя развлеченія. Къ тому присоединилось, что опекунство надъ нею было передано ея мужу. Мужъ, не умѣя сдѣлать изъ имѣнья лучшаго употребленія, пошелъ давать объѣды, вечера и жить очень весело, въ чемъ и супруга спала принимать охотно участіе. Стали посѣщать балы, редушы, музыкальныя собранія, и провели такимъ образомъ нѣкоторое время въ пріятнѣйшемъ забвеніи. Но лишь нѣсколько лѣтъ среди шумнаго веселія и беззаботныхъ радостей успѣли пропечь, какъ увидѣли супруги, что все имѣнье ихъ разпчено. Недосщапокъ, нужда и на конецъ голодъ поселились въ домѣ. Заботы о двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ и о поддержаніи собственнаго бытія снова поселили шокъ и скуку въ сердцахъ супруговъ. Мужъ, прежде не рѣдко утолявшій жажду свою десертъю бумылками вина въ день, спановился все несноснѣе и несноснѣе для жены, когда уже неимѣлъ средствъ находить такое развлеченіе. Почтительница Памелы, плакавшая при чтеніи спраданій Верпера, спала наконецъ для поправленія раз-

спроеннаго состоянія — торговать своею особою. »Однакоже я имѣла сполько деликатности, говорила она, что придерживалась особъ хорошаго состоянія, которые не любили объ этомъ болшашь. И я имѣла щастіе, что за любовь мою многія благородныя особы оказывали намъ вспомошествованіе.«

Года черезъ два какъ-то черезъ лоперею состояніе супруговъ поправилось. Но занятіе, которое до сихъ поръ какъ бы изъ нужды производилось, спало шеперь продолжаться просто изъ удовольствія и привычки. Между прочими связями была замѣчательна связь ея съ Поручикомъ фонъ Б., которая вскорѣ произвела сильный раздоръ между супругами. Цванцигеръ оставила мужа и отправилась жить къ сестрѣ любовника въ Вѣну. И хотя черезъ нѣсколько время по желанью мужа возвратилась въ Нюрнбергъ, но по пріѣздѣ шуда, побуждаемая любовникомъ подала прозбу о разволѣ. Черезъ нѣсколько времени разводъ состоялся; но едва лишь о шомъ было объявлено, какъ Цванцигеръ снова помирилась съ мужемъ, и снова вѣнчалась съ нимъ. Съ шѣхъ поръ, говоритъ она, жили они щасливо до самой смерти Цванцигера; ибо онъ по словамъ ея былъ человекъ благомыслящій и имѣлъ чувствительное сердце.

21. Генваря 1796. года, на 18. году брака, Цвайцигеръ умеръ. Съ сихъ поръ жизнь Цвайцигеръ сдѣлалась смѣсью несчастій, безумія, пороковъ и пресупленій. Собравъ остатокъ имѣнія своего, состоявшій изъ 400 флориновъ, она поѣхала въ Вѣну, гдѣ хопѣла прокармливать кондиторскимъ ремесломъ. Но не имѣя въ помѣ удачи, служила послѣ домоводкою въ разныхъ домахъ. Вошла въ связь съ однимъ писаремъ Венгерской Канцеляріи, имѣвшимъ »доброе сердце«, родила, и опдала дитя въ воспитательный домъ; дитя вскорѣ умерло и она опять отправилась въ Нюрнбергъ.

Здѣсь она не намѣрена была долго жить. Но однажды навѣспилъ ее Баронъ фонъ В., обѣщавъ бытъ ея покровителемъ и предложилъ ей »дружбу и любовь« свою. Она потчасъ замѣнила, что Баронъ человекъ »весьма благородный.« Наняла себѣ компанію и была, по словамъ ея, часно посѣщаема Барономъ, какъ другомъ. Баронъ вспомошествовалъ ей деньгами и, не подвергая опасности ея добродѣтели, служилъ ей всегда руководителемъ къ добру.« Припомъ занималась она дѣланьемъ куколъ.

Мѣсяца съ при продолжалась эта связь, какъ Министръ Резиденціи фонъ К. въ Франкфуртѣ предложилъ ей у себя мѣсто домоводки.

Баронъ, покровитель ея, не препятствовалъ ея щаснiю, и она, принявъ опть него 100 фл. въ подарокъ, отправилась къ мѣсту назначенiя своего. Но опсюда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опянь опошла. Наняла себѣ компаньку у фризера, опредѣлилась потомъ нянькою въ одномъ обществѣ Англiйскихъ Волпижеровъ, черезъ недѣлю ушла опть нухъ съ дороги, когда они было отправились въ Бамбергъ, возвратилась опянь во Франкфуртъ къ фризеру и наконецъ принята изъ сосраданiя однимъ купцемъ на короткое время въ няньки. Всѣ сiи обспоянiельства весьма сильно подѣйствовали на ея хараптеръ, не могшiй сносить униженiя. Она была иногда какъ бы помѣшана, по плакала, по смѣялась, по принималась молишься, сама не знала часпо чпо дѣлала.

Въ такихъ обстоянiельствахъ опнеслась она письменно къ другу своему Барону фонъ В. въ Нюрнбергъ, который и въ самомъ дѣлѣ предложилъ ей снова свое покровительство. Она возвратилась въ Нюрнбергъ и была принята Барономъ весьма радушно. »Но къ величайшему моему удивленiю, говорила она, замѣтила я большую переѣну въ его правахъ. Онъ, человекъ женатый, сдѣлался вдругъ необыкновенно вольнымъ и неопвязчивымъ, сталъ обнаруживать самыя легкомысленныя намѣ-

ренія, и наконецъ до такой степени забьлся, что я снова получила надежду быть матерью. « Баронъ узнавъ объ этомъ сдѣлался примѣшно холодною. Посвященія его были уже рѣже; и скоро дошла до нее ужасная вѣсть, что одна актриса имѣла большую власть надъ сердцемъ Барона, нежели она. Извѣстіе это имѣло, какъ говорила она, несчастное вліяніе на недавною ея беременность — которую впрочемъ, можешь быть, выдумала, чтобы имѣть утѣрдишь нѣсенѣйшую связь свою съ Барономъ. На другой день велѣла она принести себѣ ланцетъ и въ опчаяніи пустила кровь изъ обѣихъ рукъ; но ей помѣшали и она не могла выпустить больше чайной чашки. Хозяинъ дома тотчасъ пошелъ къ Барону фонъ В., рассказалъ ему намѣреніе Цванцигеръ лишиться себя жизни, и убѣдилъ его навѣснить своего женскаго Вертера. Баронъ явился, — но не съ покаяніемъ, а смѣясь надъ безумною, которая какъ бы безъ намѣренія оспавила на виду чашку съ кровью. Пылая мщеніемъ собрала она тотчасъ всѣ письма любовника и опослала ихъ къ женѣ его. Потомъ взявъ съ собою книжку: «Зигварпъ», пошла съ служанкою своею къ рѣкѣ Пегницъ, въ намѣреній, какъ говорила, утопиться. На крупомъ берегу ея сѣла она и стала читать Зигварпа, и дочи-

навь до пѣсни: *Mein Leben ist so traurig* и пр., бро-
 снлась въ рѣку. Но находившіеся вблизи два
 рыбака поспѣшь ее выплести безъ всякаго
 вреда и только съ промокшимъ плащѣмъ.
 Тотчасъ принесено было сухое плащѣ, а мок-
 рое, какъ доказательство впорой попышки къ
 самоубійству, опнесено Барону фонъ В., ко-
 торый однакоже, давъ 25 фл. служанкѣ, при-
 несшей плащѣ, велѣлъ ей сказать своей по-
 вилительницѣ, чпобы она не мѣшкая долго
 поспаралась оппразнись какъ можно подаль-
 ше опъ Нюрнберга. Опчаянная любовница въ
 самомъ дѣлѣ въ ту же ночь, и не заходя даже
 домой, уѣхала въ Регенсбургъ.

Сему жестокосердому поведенію Барона
 приписываетъ Цванцигеръ ненависть и злобу,
 копорую она съ пѣхъ поръ спала пицать къ
 роду человѣческому. »Баронъ фонъ В. сдѣлалъ
 мое сердце такимъ злобнымъ,« говорила она
 при допросѣ; »онъ всему причиною. Когда я
 въ Нюрнбергѣ опворила себѣ жилы, то онъ,
 видя кровь, только смѣялся. И когда я ему
 говорила, что онъ уже однажды сдѣлалъ не-
 щасною одну дѣвушку, копорая вмѣстѣ съ
 ребенкомъ опъ него рожденнымъ, бросилась въ
 рѣку, то онъ также смѣялся. Ужасно было
 тогда въ груди моей, и всякій разъ, съ пѣхъ
 поръ, когда я дѣлала что нибудь злое, думала

я сама въ себѣ: къ тебѣ никто не имѣлъ со-
спраданія; не имѣй же и ты соспраданія, когда
другіе несчастны.»

Изъ Регенсбурга послѣ кратковременной
болѣзни отправилась она опять черезъ Вѣну
въ Нюрнбергъ, а опътуда въ Тюрингію, и
вскорѣ въ 1804. году опредѣлилась въ домъ
Камергера фонъ С. въ Ваймарѣ горничною дѣв-
кою. Служба въ семъ домѣ была, по словамъ
ея, очень тягостна и не приносила ни какой
выгоды; по сему она, наскучивъ ею скоро, рѣ-
шилась пиховько оспавить се, взявъ припомъ
съ собою »вознагражденіе«. »Намѣреніе мое,
разсказывала она, удалось прекрасно. Господа
сидѣли за столомъ; а мнѣ вѣрно было играшь
съ ребенкомъ, чшобы онъ не плакалъ. Я
пошла съ нимъ въ комнату, гдѣ стоялъ круг-
ленькій сполікъ съ ящикомъ. Въ ящикѣ кромѣ
перспня лежало нѣсколько жемчужинъ, драго-
цѣнныхъ камней, серегъ и другихъ дорогихъ
вещей. Гдѣ такія вещи, подумала я, оспав-
ляющъ дѣшамъ на игрушки, шамъ мало забо-
пяшся объ нихъ, а шо бы ихъ спрятали.
Дишя спало играшь коробочкою, въ кошорой
лежалъ перспень, и бросало ее въ разныя сто-
роны. Оно само положило мнѣ ее пошомъ въ
руку; я раскрыла коробочку и перспень мнѣ
бросился въ глаза; шумъ шочно какъ будшо

миѣ кто нибудь сказалъ: возьми его! я послѣдовала внушенію, положила диня спать и ушла, пока еще Господа сидѣли за столомъ, изъ-дому и изъ-городу.» Это происшествіе рассказано впрочемъ иначе пѣми у которыхъ украденъ перстень. По ихъ словамъ перстень былъ запертъ въ письменномъ столѣ, онъ котораго ключъ обыкновенно находился въ коробочкѣ Госпожи дома вмѣстѣ съ приборами дамскихъ работъ.

Цванцигеръ пришла въ Майнбернгеймъ къ злшю своему, переплетчику Зауеру. Но черезъ три дня попался сему послѣднему газетный листокъ, въ которомъ объявлялось, что Цванцигеръ украла бриліаншовый перстень. Зяпъ пошчасъ предложилъ ей, чпобъ она оспавила его домъ; и она въ пошъ же день онсправилась въ Вирцбургъ. Отсюда написала письмо къ Каммергеру фонъ С., въ которомъ упрекала его, что онъ объявленіемъ своимъ ввергнулъ ее въ несчастіе. Вскорѣ пономъ рѣшилась она освободиться онъ имени, бывшаго уже для нее позорнымъ клеймомъ, и назвала себя: Шенлебенъ.

Подъ симъ именемъ она нѣсколько времени спрансповала съ мѣсна на мѣсно по Франконіи, спараясь вездѣ имѣть обхожденіе съ людьми высшаго и образованнѣйшаго класса.

Наконецъ въ 1805. году объявила себя, прѣхавши въ Неймаркитъ, городокъ въ верхнемъ Палаатинатѣ, учительницею дѣвицъ въ женскихъ работахъ. Здѣсь приобрѣла она прилежаніемъ и благоприспойнымъ поведеніемъ своимъ всеобщее уваженіе, что и тамошнее мѣстное Начальство засвидѣтельствовало. Но случилось, что одинъ Генераль Н. Н. изъ Мюнхена жилъ нѣкопрое время въ Неймаркитѣ. Цванцигеръ какъ-то привлекла къ себѣ пресварълаго Генерала. Генераль вошелъ съ нею въ очень шѣсную связь и далъ ей слово имѣти объ ней попеченіе. Тутъ пробудились въ воспоминаніи ея прекрасныя проспекшія времена, »когда еще знатныя люди были ея покровителями«; пробудилось желанье возобновить прошедшее; и вскорѣ увлеченная надеждами хотѣла она уже переселиться въ Мюнхенъ. Но на письмо, которое написала она тогда къ Генералу, небыло отвѣта. Она еще разъ написала, при чемъ увѣдомляла его, буди бы была беременна; но вмѣсто отвѣта переслана къ ней небольшая сумма денегъ съ совѣтомъ не беспокоити Генерала. Однакоже она не лишилась надежды, и не смотря на то, что въ Неймаркитѣ цѣлый годъ имѣла безбѣдное и достаточное содержаніе, отправилась въ Мюнхенъ, чинобы лично представиться Его Превосходни-

пельспву; но не была допущена. Изъ Трактира написала она къ нему письмо; но черезъ служителя его получила въ отвѣтъ нѣсколько денегъ на дорогу и изустный совѣтъ, не обременять никогда болѣе неопытностью своею Его Превосходительства. Принужденная такимъ образомъ оставить Мюнхень, она странствовала еще нѣсколько времени съ мѣсяца на мѣсяцъ, пока наконецъ въ 1807 году прибыла въ Пегницъ, гдѣ, какъ мы видѣли, вскорѣ начала свои преступныя дѣла.

Когда, какъ, по какому побужденію, вдругъ ли, или поспешенно пробудилась въ ней мысль, мстить нечувствительнымъ къ спрашьямъ ея и пошому ненавистнымъ ей людямъ посредствомъ оправлений, — не видно изъ ея признаній. Рѣшиительно только видно изъ всѣхъ словъ и поступковъ ея, что не какіе-либо опредѣленные виды побуждали ее къ преступленіямъ; изъ всѣхъ словъ и поступковъ ея видно, что одно господствующее чувство сдружило ее такъ тѣсно съ ядомъ, — радостное чувство неодолимаго могущества, съ какимъ она могла, когда угодно, ниспровергать всякое ограниченіе, достигать великой цѣли и, располагая участію и бытіемъ людей, какъ бы разрушительно вмѣшиваясь въ предначертанія судьбы, споль немилосердой къ ея требо-

ваніямъ, радостное чувство, что могла и людей заставлятъ переносить мученія, съ которыми она можетъ быть сравнивала муки, какія сама принуждена была претерпѣвать, когда люди оспавались нечувствительными къ бѣснованію необузданныхъ спрасшей ея. Ядъ былъ для нея магическимъ скинпиромъ, посредствомъ котораго она невидимо располагала судьбою пѣхъ, коимъ видимо должна была служить. Ядъ былъ для нее волшебнымъ жезломъ, копорымъ опворяла она себѣ золотые врапа послѣднихъ надеждъ. Пылая месью къ людямъ, копорыхъ холодноспь почитала единственною причиною низведшею ее на спепенъ обыкновенной служительницы, она наслаждалась сознаниемъ, что ядъ возводитъ ее на спепенъ ужасной высоты, сознаниемъ, что могла, какъ враждебное божество, какъ Ангелъ смерти и мученій, ходить посреди ненавистнаго рода и тайною силою обрекать его въ жертву здѣсь смерти, тамъ мученіямъ и болѣзнямъ. Ко всему служилъ ей ядъ, какъ самое послушное орудіе. Ядъ наказывалъ всякое дѣйствительное и мнимое оскорбленіе, всякую насмѣшку; ядъ оспанавливалъ посѣщеніе непріятныхъ гостей; ядъ нарушалъ удовольствіе людей, если она того хотѣла; ядъ давалъ ей случай, показывая себя на словахъ и на дѣ-

лахъ, состраданельною къ больнымъ; ядъ былъ средспвомъ вводить невинныхъ въ подозрѣнїе, если они возбуждали ея ненависть; ядъ могъ заспавить кричащъ и мучиться ребенка и могъ заспавить опца думающъ, что дїтя спрадасть поскою по возлюбленной нянѣ. Если льспила ей надежда бытъ любимою женащымъ человѣкомъ, то спойло только захопѣшь, и жена нисходила въ могилу; завидовала ли она судьбѣ нещспы — то напрасно мѣнялись обручальныя кольца, ядъ предупредалъ свѣдебное поржесство. Отправленїе наконецъ сдѣлалось для нея обыкновеннымъ дѣломъ, которымъ занималась она какъбы для забавы, а въ послѣдспвїи и со спраспью, не сполько изъ послѣдспвїй, сколько изъ любви къ самому яду, не сполько для того, чтобы оправливать, сколько для удовольворенїя неодолимой жажды, для доставленїя себѣ сладчайшаго удовольспвія видѣть, какъ сильно ея возлюбленное орудїе. Привычка обхожденїя съ ядомъ, вѣрная служба его какъ бы сердечною любовью соединили ея съ нимъ; ядъ казался ей послѣднимъ вѣрнымъ другомъ ея, къ которому она чувспвовала непреодолимое влеченїе и съ кошорымъ не могла ни какъ бытъ разлученною. Ядъ былъ ея безпреспаннымъ спущникомъ; съ ядомъ въ карманѣ и

она въ руки правосудія; и, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, съ радостію во взорахъ, какъ спросио любимаго любовника, долго бывшаго въ разлукѣ съ ней, увидѣла она опять арсеникъ. Когда ей въ Кульмбахѣ показали арсеникъ найденный прежде у нея, то, какъ замѣчаютъ судья бывшій при слѣдствіи, она, казалось, дрожала отъ радости; глаза блистали восхищеніемъ, и, казалось, она смотрѣла на бѣлый порошокъ, какъ на сущесво, которое гопова была обняла и прижала къ груди. Эта спросиная любовь объясняетъ, какъ она могла даже въ то время, когда ей уже извѣстно было рѣшеніе участи ея, въ письменныхъ признаніяхъ говорить о дѣлахъ своихъ какъ о «незначительныхъ прослупкахъ», называешь несправедливыми людей, ввергнувшихъ ее за такіе незначительные прослупки въ погубель, и даже ссылаешь на свою «чрезвычайную религіозность.» Юня 7. 1811. года рѣшилъ Королевскій Апелляціонный судъ Майнскаго округа въ Бамбергъ:

»Лишишь Анну Маргарету Цванцигерь жизни мечемъ, и попомъ пѣло ея положишь на колесо.«

Съ симъ рѣшеніемъ согласился Королевскій Верховный Апелляціонный судъ 16. Августа. Король ушвердилъ оба сіи рѣшенія,

съ шѣмъ однакоже, чпобы по совершеи казни не клали шѣла ея на колесо.

Безъ видимаго движенія прослушала Цванцигеръ свой смершнй приговоръ и твердою рукою подписала составленный по сему случаю прошоколь. Въ совершенномъ спокойствіи прожила и при дни копорые ей еще были дарованы. Она сама признавалась въ эпо времени судѣ, чпо смершь ея ешь благодѣяніе для людей; ибо она уже не въ силахъ бы была оставить оправительство. За день до казни писала она еще въ присуствіи судьи письмо къ одной кумѣ въ Нюрнбергъ, благодарила ее за дружбу, просила у ней прощенія и учаспія, препоручала ей поклониться нѣсколькимъ особамъ, и заключила письмо слѣдующими словами: »я должна умереть; скоро часъ ударить, когда мои спраданія прекращающя. Молишьесь всѣ за меня. 17 Сенября ешь день мой смерши, когда я получу опъ Бога, чего заслуживала за дѣла мои. Теперь я переспаю бышь для сего міра!« Судью уголовного просила чпобы онъ позволилъ ей, за челоѣколюбивое обхожденіе его съ нею, явиться ему послѣ смерши въ видѣ духа. И въ самой день казни онававалась она совершенно спокойною. Съ величайшимъ равнодушіемъ и безъ слезъ слушала публичное чщеніе своего смершнаго приговора,

и только, кажется, изъ спыда передъ неиз-
мѣрною полною народа закрыла во время
чтенія лице плапкомъ. Наконецъ когда былъ
переломленъ надъ нсю жезлъ, она проспилась
съ судьей и палачемъ, какъ бы въ обыновенномъ
собраніи, учпивымъ и ловкимъ наклоненіемъ
и — подклонила голову подъ мечъ палача. —

(Взято изъ: *Aktenmäßige Darstellung merkwürdiger Ver-
brechen*, 1. Band, Фейсбаха.)

ГЕРМАНЪ и МАРГАРЕТА.

(Эстляндская повѣсть.)

(Окончаніе.)

Маргареша.

Но, льстивого мечшой

Ослѣпела, я забывала

Что рыцарь ты, весь міръ земной

Въ шебѣ я щиченно зрѣшь мечпала.

Разбросилъ ночь ли мрачну пивь,

Къ шебѣ душа моя лешъла;

Взойдетъ ли упромъ краснѣй день,

Лишь пивой я всюду образъ зрѣла

Мечна! и часъ топтъ роковой

Ты позабылъ, и шо мгновеньс,

Когда въ восторгъ и въ забвеньс

Клялись взаимно мы съ побой.

Любовь и кляпвы забываешь!

Тебѣ милѣй кровавый бой! .

Но, Германъ! ты мнѣ не внимашь

Германъ.

О Маргареша! Богъ намъ щичь!

На брань иди мнѣ ошъ велишь!

Не здѣсь — шо шамъ нашъ часъ свиданья!

Тупь дѣвы слезы и рыданья,
 Прервали рѣчь. Какъ смерть блѣдна,
 Едва дыша, ему она
 Съ улыбкой скорбной отвѣчала:
 » Труба ко брани прозвучала,
 Пробилъ разлуки горькій часъ!
 И такъ спѣши на брашно поле
 Удѣлъ мой смерть, проклянья гласъ.
 Не узиши Маргарету боль.
 Въ объявляхъ смерти на бою,
 Среди спроевъ буйныхъ, испуганныхъ,
 При видѣ труповъ искаженныхъ,
 Воспомяни судьбу мою!« —

Германъ.

Роптанье, Маргарета, грѣхъ,
 Припомни другъ мой: лишь на шѣхъ
 Богъ испытанье посылаетъ,
 Кому блаженство назначаетъ.

Помчась по волѣ Скакуна,
 Угрюмый Германъ молчаливый,
 Летишь, куда зоветь война.
 Его ждетъ строй неперемливый.
 За нимъ клубишься пылъ столбомъ;
 Пернатый шлемъ его сверкаешь;
 Луна на панцирь спальномъ
 Лучами яркими играетъ.
 На бѣлой эпанчѣ звезда,
 Подъ нею крестъ мечей багровыхъ,
 Символъ поборниковъ Христа,
 За вѣру кровь пролишь гонимыхъ.

Война для Рыцаря забава;
 Онъ жаждетъ бури грозныхъ сечъ;
 Его Кумирь отчизны слава;

Его Краса булатный мечъ!
 Но Германъ въ буряхъ боевыхъ,
 Ужъ не за славою лещаешь,
 Въ кругу сподвижниковъ своихъ
 Лишь образъ дѣвы онъ въспрѣчаситъ,
 Не пролсинишься мрачный взоръ
 Среди побѣдныхъ восклицаній;
 Ее лишь слышишь онъ укоръ,
 Среди буйныхъ братій ликованій!
 И онъ дышалъ войной, — и онъ,
 Опасность битвы пресиралъ,
 Лещаъ, куда звалъ шрубный звопъ,
 Грозой какъ пуча громовая.
 Но та пора уже прошла,
 Какъ съчу починалъ забавой,
 Какъ онъ въ игрѣ любилъ кровавой
 Бросать прошивинка съ сѣдла! —
 Разказовъ спарины съдой,
 Про вылазки почной порою,
 Не внемлешь онъ; изъ круговой
 Лишь плетъ съ поникшею главою.
 И часто съ изумленьемъ зрится,
 Оруженосецъ постарѣлый,
 Какъ съ думой тяжкой онъ сидитъ,
 Какъ бы опшельникъ посѣдѣлый,
 Какъ иногда вокругъ него,
 Бойцевъ все пѣнье оглашаетъ,
 А онъ лишь вздохи испускаетъ,
 Не зрится, не внемлетъ ничего! —

Все мертво, все объято мглой;
 Лишь башни съ гуломъ переходящъ
 Кликъ спражи въ Вендепъ порой;
 И лишь Копрадъ по замку бродитъ,
 И мыслитъ: цѣль моя близка!
 Разсѣвъ Сншсена войска,

Законы ордену нлые,
 Свои я собиивенные дамъ;
 Весь предразсудки прочь пустые!
 Примѣрь ко браку буду самъ.
 О Маргарета! пизнь, иногда
 Ко мнѣ жестока такъ не будешь,
 Такъ непреклоина и горда!
 Тогда о Германѣ забудешь. —

Вопль къ двери онъ идетъ одной
 Вопль близъ нее, и вновь отходитъ.
 И взоръ смущенный вкругъ обводитъ
 Къ пружинѣ робкою рукой
 Коснулся онъ дверь отворилась
 И онъ предъ дѣвой молодой
 И — сердце гордое спѣшилось.
 То Маргарета. — здѣсь она
 Плещенымъ юною красою
 Власпителемъ заключена.
 Какъ цвѣтъ, взлетѣнный весною,
 Предъ нимъ она сияетъ; и очи
 Горятъ какъ звезды полуночи,
 И пышныя ея красы
 Какъ свѣтлый день весны сияютъ,
 И гордое чело власы
 Какъ зависеть славу обвиняютъ. —

Какой былъ съ дѣвой разговоръ,
 Никто не слышалъ и не знаетъ;
 Но мессню Конрада взоръ,
 Какъ раскаленный уголь сверкаетъ.
 Невняшно, глухо шелчетъ онъ:
 Бракъ тайный съ Германомъ! о! мщенье
 Изобрететь для васъ мученье,
 И сладокъ будетъ мнѣ вашъ спонъ!

Поклинувъ брань, поля родныя
 Эрцъ-Бисшофъ, гордый власпелинъ,

Направляя бѣгъ въ страны чужія! (*) —
 Гохмейстеръ рыцарскихъ дружинъ,
 Конрадъ, победу торжествуетъ,
 И съ нимъ весь ратный строй ликуетъ,
 И чаша свѣтлаго вина
 Бойцевъ обходитъ кругомъ.
 Но гдѣ же Германъ? гдѣ она,
 Его подруга молодая?

* * *

За вѣкомъ вѣки пропекли,
 И все унылой чередою,
 Въ рѣку забвенья увлекли
 Неумолимою рукою.
 Оди, свидѣтели нѣмые
 Ихъ казни, башни вѣковыя
 Еще сполить. (**) Изъ устъ въ уста
 По старцамъ вѣсть промчалась ша;
 И вскорѣ башню роковую,
 Назвали Германомъ они,
 И Маргаретою другую,
 На память горестной любви. —

Р. Ф. Бергъ.

Изъ переписки
ЖАН - ПОЛЯ РИХТЕРА
 съ
ХРИСТИАНОМЪ ОТТО.
 (Продолженіе.)

Веймаръ 27. Генваря 1799.

Шиллеръ чрезвычайно уважаетъ ужаснаго Retif de la Bretonne, которъ сочи-

(*) Въ Любекъ. (**) Въ Ревель.

шилъ адски-прекрасную книгу *le secret humain dévoilé*. Онъ хочетъ ѣхать въ Парижъ по-
смотреть его.

2. Февраля.

Къ полудню обращена теперь моя вино-
градная гора, или гора Музъ; я читаю Гомера
и Трагиковъ, съ неизъяснимымъ восхищеніемъ.
Софокль есть (исключая Шекспира) семизвѣз-
діе (онъ и написалъ только семь пьесъ), а по-
вѣйшіе — шуманныя звѣзды. Впоруя часъ
Валленштейна была предсавлена съ величай-
шею пышностью. Онъ превосходитъ, довольно
скученъ и — ложенъ. Прекраснѣйшій языкъ
— сильныя поэтическія мѣста — нѣкоторыя
хорошія сцѣны — недоспапокъ характеровъ
— недоспапокъ непрерывнаго дѣйствія — па-
шажки — шраякая занимательность — и
нѣтъ заключенія. Третья, еще неоконченная,
часъ есть хвостъ у позвоночнаго сполба впо-
рой. —

Веймаръ 11 Марта.

Ты говоришь, чтобы я берегъ жизнь; час-
то хотѣлось бы мнѣ, не имѣть ее болѣе. —
Именно поэтому, что все мнѣ удается, еже-
дневно спановится мнѣ жизнь прищоритѣ;
жена былабы еще единственнае лекарство. —
Иногда горюю я, что погибло мое прошедшее

посреди всѣхъ моихъ погоданныхъ отношеній, горюю объ облачномъ юношескомъ моемъ, которое изказили окружавшіе меня негодяи, и копорой мнѣ никакое божество не можетъ возвращишь. Ахъ! какое сѣмя райское носилъ я въ сердце моемъ, и какъ мало оставили мнѣ хищныя птицы!

Лично я не чувствую ничего прошивъ рецензентовъ, потому что они меня теперь также не ограниченно хвалятъ, какъ прежде хулили. Во Франкфуртской газетѣ помѣщены вдругъ двѣ рецензіи на меня; объ онѣ объявляютъ меня гениемъ, который лишается достоинства повинаясь правиламъ Аристотелевымъ. Это крипическое мелочничество досаждаютъ мнѣ. — Гердеръ писалъ намъ ихъ у Герцогини для шушки. —

Гильдбурггаузенъ 24. или 25. Маія.

Я часто переписывался уже съ одною Каролиною фонъ Ф., копорая теперь здѣсь и къ копорой я общалъ придти (не думай однакожь чтобы здѣсь было что либо важное, что бы дѣло шло о невѣстѣ). Она благородная, глубоко чувствительная, мужественно-твердая, постигнувшая судьбою, довольно красивая дѣвушка; прислала мнѣ симпатизированной

образъ и спань свой съ цвѣпочною цѣпочкою (послѣдняя опредѣлена была опушань меня), изъ чего я пошчасъ заключилъ, что она вѣрно была при дворѣ. Неприятно — впрочемъ собственно иѣтъ никакой неприятности —, что она пакъ игрива и легка на словахъ и пакъ серіозна на письмѣ. Она живетъ съ маперью, сестрою и братомъ, и я обыкновенно шамъ сижу, когда не бываю при дворѣ, что исключая обѣды, очень часно бываетъ.

Вообрази себѣ, наживописуй себѣ небесную Герцогиню — все лицо исполненное любви, красоты и юности — съ маперинскимъ сердцемъ. Потомъ представь себѣ еще прекраснѣйшую сестру ея, Княгиню Сольмсъ, и сполькоже какъ она добрую — потомъ третью сестру, Княгиню Турнскую (ошъ описанія мужчинъ избавь меня). — Онѣ всѣ чипаютъ меня ошъ-сердца, и хопятъ полько, что бы я оспался еще недѣлю, и дождался возвышенной, прескрасной четвертой сестры, Королевы Прусской. Герцогъ (онѣ чрезвычайно добросердеченъ) сначала мало обращалъ вниманія на меня; однако пещерь очень ко мнѣ расположенъ, и замѣшилъ, что я взялъ мало спаржи. Вчера я передъ дворомъ фаншаэировать на фангелъ. Ты пугасься; но я уже

года съ полпора какъ фанпазирую, поспешенно — передъ Глеймомъ, Вейсе, Гердеромъ, Герцогинею маперью.

Здѣсь изучаю я придворные обычаи для своихъ біографій.

Веймаръ 22. Августа.

15. сего мѣсяца позвала меня Тайная Совѣтница Коппенфелсъ на чай и вручила мнѣ декретъ опъ Герцога Гильдбурггаузенскаго, который меня возводитъ не менѣ какъ въ чинъ Легационрапа.

Гильдбурггаузенъ 27. Октября.

К. Ф. Ф. шеперь мнѣ глубже извѣстна; еще ни въ одной женской душѣ не находилъ я эпои возвышенной, спрогой, неупомипельной релегіозной нравспвенности, непоколебимо и не подкупно разпроспирающей на малѣйшія опрасли. При ея нравспвенной тонкости чувспвуеть, что долго жилъ въ Веймарѣ. Есцъли бы я съ нею соединился, то она очиспила бы всѣ до малѣйшаго пятнышки во всемъ моемъ существѣ. Она читаетъ не для того только, чтобы, какъ прочія дѣвушки, наслаждалась шалшѣмъ на языкѣ сеншмен-

пальшой манны, но и для того чшобы научишься, напримѣръ Испоріи челоувѣческой и еспешивенной Испоріи; у ней еспѣ почти полный гербаріумъ и собраніе замысловато-наклеенныхъ цвѣтѣвъ. Съ прогашельнымъ вниманіемъ слушаешъ она, когда я съ другими говорю о воспитаніи. Тебя она любитъ искренно какъ и Гердера. Печашъ пволя обрadowала ее и она ее не сломила. Она пишешъ стихи; и пошому не можетъ забыть сапиры на женскіе стихи въ моихъ печашныхъ письмахъ; сапира справедлива, говоритъ она, но слишкомъ ѣдка. По моему совѣшупьешъ она шеперь за шоломъ вино; къ счастью лекаръ ея Бровніанецъ. Она исполняешъ всякое принянное намѣреніе, напримѣръ ходишь каждый день на свѣжій воздухъ въ садъ — »шеперь, когда я здорова, я желаю еще овердѣшь въ здоровьи.» О добрая! еспѣли бы она хощъ просшо здорова была! —

10. Октябра.

Въ первый день, какъ я сюда приѣхалъ, пришелъ я къ ней бѣзъ доклада. Комната была пуща; дѣвка привела ее изъ сада. Она вошедши почти не въ сосшояніи была гово-

ришь, что происходило по ея увѣренію опъшого что она бѣжала, — и это вѣрошно.

Въ воскресенье былъ я у Б — к, доброй и живой женщины. Тамъ въ большей комнаѣтѣ стояла печка, попомъ слѣдовала комнапа гдѣ сидѣло собраніе; двери были опкрыты. Я часпо уходилъ въ большую комнапу; К. слѣдовала за мною. Здѣсь мы прохаживались взадъ и впередъ, и часпо проходили мимо свѣтлаго, населеннаго опверспія, но все рѣже и рѣже; оспались попомъ подолѣ у печки — она сказала мнѣ свое сердце и поникнула головою на меня, и я въ первой разѣ подѣловалъ ее въ глазѣ. —

Въ среду 9. числа вечеромъ была приглашена Ф. (*) и я къ Б., какъ розово пымалъ мнѣ! К. дала мнѣ спихи и письмецо. Я прочелъ передъ собраніемъ послѣднее, и когда дошелъ до замараннаго карандашемъ мѣспа, по все мое вечернее небо пошонуло въ снѣговыхъ облакахъ. Жеспоко, жеспоко бросаешь судьба мое движущееся сердце о самую оспроугольную спѣны, какую полько опъискашь можешь. Я возмущенъ былъ прошивъ этого мешанія, въ пошь вечеръ. Я показалъ ей это мѣспо,

(*) Ф. и К. одна и таже особа, ш. е. К. ф. Ф. Примѣч. Немецк. Изд.

подчеркнулъ его, сказалъ жесткое слово, и оспаясь холоднымъ. Я такъ понялъ это мѣсто: если воспротивился семейство соединенію, то и проч. —

Тутъ начала добрая К. оказывать недоспашки свои по ереди сердечныхъ мученій. Цѣлой вечеръ она была язвительна, и въ себя; такую я ее еще не видывалъ.

Если мнѣ мѣшаютъ въ любви моей и мучатъ ее, то внутренность моя какъ змѣя извивается и пверда неколебимо; когда же сносятъ ее и пипаютъ, я безсиленъ и повинуюсь. За ужиномъ изнемогло ея сердце, не встрѣчая отраженія нападеніямъ своимъ и глаза заплакали. — »Зубы болятъ« сказала она спросившей ее мащери, и такимъ пономъ, которъй даже не хотѣлъ убѣждать. Я молчалъ. —

Поупру я получилъ записку. Смягчился и изъяснился и получилъ другую, и когда ее опять увидѣлъ и нѣсколько нѣжныхъ словъ ей сказалъ, поникла она къ моему сердцу, непонявши моихъ письменныхъ объясненій. Вопъ что она разумѣла въ томъ мѣстѣ: »Если мы сами все это почищаемъ только мимолетною игрою, и незнаемъ вѣчноспи въ любви, то и проч. Пошомъ оспались мы

17. Септября.

неразлучно вмѣспѣ — и молчу я о радугѣ и упренней росѣ свѣпныхъ часовъ, копорые съ нѣхъ поръ пропекали — молчу и о преданности и о довѣренности и о послушности ея. Съ прогашельностью смопрѣль я, какъ она по моему желанію и больше ѣла и ѣла то, чего я прѣбывалъ. Съ нѣхъ поръ какъ я посовѣшовалъ ей весною, она уже раньше ложилась спать; прѣжде она сидѣла до часу, до двухъ за книгами и въ пяшь часовъ упра ояшь къ нимъ обращалась. Это, и смерть нѣсколькихъ ближнихъ распроили ея впрочемъ здоровое тѣлосложеніе (мѣсяца черезъ при можепъ она совѣмъ поправилась). Послѣ моихъ весеннихъ проповѣдей она болѣе спала любилъ хозяйство; воспитаны онѣ всѣ для хозяйства. Обязанность или любовь могушь только служилъ основаніями къ перемѣнѣ ея. Главный шонъ, съ котораго она весь день и граепъ, еспъ — вѣчная веселость и шумливостъ, копорья вовсе не ожиданно обипаюшь въ ршомъ спомъ мягкомъ сердцѣ. Минушныя волненія почитаепъ она недоспанкомъ въ себѣ. Будучи нѣсколько скрипка пропивъ чужихъ и знапныхъ и нѣсколько опривиспа съ просполюдинами, она кажепся болѣе гордою нежели въ самомъ дѣлѣ еспъ. 25. дѣшь ми-

нуло ей въ Субботу когда я уѣхалъ. Тонкая мать вѣрно все угадываетъ, но такъ какъ она молчитъ, то спало бытъ соглашася. Цвѣтъ лица ея бѣлъ и блѣдно-румянъ, лобъ поэпическій и женскій, круглый, брови большія (даже слишкомъ), глаза черные, носъ пропинуположеноснъ маленькаго и корошенькаго, губы оригинально обрѣзаны, подбородокъ вздернутъ; короче, не смотря на красоту, все обнаруживаетъ опредѣлительность. Пробу волосъ посылаю тебѣ, которыя прошу мнѣ назадъ прислать. И такъ открылся для жизни моей ругъ волшебной. — Чшожъ Ивановское пиво?

Веймаръ 2 Ноября 1799. года.

Если я шолько буду владѣнъ моею К., то первое, что мы посшараемся приобрести, будешь ты, хоть на нѣсколько недѣль. Подѣй эпой души и меня будешь на себя вѣянъ свободный духъ. Прочти особенно письма подъ буквами а и в; впрочемъ моихъ писемъ изъ нихъ не извлечешь, пошому что она меня иногда иначе шолкуешъ. Гердеръ послѣ моихъ корошкихъ описаній, и Августинныхъ долгихъ, спалъ ее какъ солнце, какъ луну, какъ звѣзды обожашъ.

Я пугаюсь, когда взгляну шеперь на выгорѣвшіе брачныя крашеры, въ которыя я

такъ часто гошовъ былъ утаспъ, если бы не удерживала меня посторонняя рука. Въ Іенѣ, въ Лейпцигѣ, въ Эйзенахѣ, въ Готѣ (ибо всего я шебѣ немогъ писашь) въ *** и проч. (напиши мнѣ о шеперешнихъ опношеніяхъ бѣдной другой К.) все висѣло на волоскѣ и самъ я въ волоскѣ висѣлъ. — Тиф-фуршянкѣ я не показалъ ни малѣйшаго знака склонности; пошому чпо у меня ея небыло; я явился — и шолько. Покорности опъ нея я ни мало не надѣлся; не понимая и не умѣя меня любить какъ авшора, она спшалабы меня - человекѣка мешашь изъ руки въ руку.

Сверхъ моего ожиданія К. такъ удовлетворила мою душу, чпо я началъ гораздо спроее судить обо всѣхъ жшицінахъ. — Фихше я уже давно изучаю съ удивленіемъ и возрастающимъ невѣріемъ къ нему.

7. Поляря.

Благородная Б — шъ, кошорой два шолсные журнала я шебѣ однажды посышала, писала мнѣ изъ Эдинбурга, чпо она въ опчаліи. Въ Макдональдѣ много благороднаго, швердаго, но нѣтъ любви. Я знаю раны эшого споль пораженнаго сердца, и мою собшвенную руку

вооружила судьба, можешъ бытъ предпоследнимъ, мечемъ прошивъ нея; попому могу сказать, что еще никогда доброе существо такъ жестоко не страдало, никогда еще такъ долго неизливалось кровью и небыло такъ неизлечимо. —

О, если бы я могъ когда нибудь чрезъ мою К. и себя самого листка хоть два ея шумановой осени окрасить живыми красками! К. любилабы ее, она любилабы К.

Веймаръ 20. Ноабря.

Часто думаю я, что могу съ моею К. переселиться въ Байрейшъ, и ты будешь жить съ нами. Спорона, пиво, дешевизна привлекаютъ; сколько впрочемъ ни опшпалкиваетъ мелочной народъ. Вчера, идя на балъ, имѣлъ я въ дверяхъ съ спарикомъ Гердеромъ такую прогашельную встрѣчу, что почти немогъ уже шуда идти: когда я сказалъ что К. принадлежитъ мнѣ, оба упали въ слезахъ къ моему сердцу; никогда не видѣлъ я его такимъ просвѣшленнымъ, пламеннымъ; какъ будто бы всѣ загадки и желанія его разрѣшены и удовлетворены.

(До слѣдующей книжки.)

ДВѢ ОБЕЗЬЯНЫ.

Басня.

»Что это? не ума ли ты лишилась?«

Маршешка такъ одна подружка говоритъ,

Увидѣвши, что та на головѣ спонитъ. —

— »Эхъ, не мѣшай мнѣ, сдѣлай милость,«

Проказница на ню съ досадою въ отвѣтъ:

»Пускай же видишь свѣтъ,

Что Обезьяній родъ не все же подражаетъ,

Но и свое кой-что изобрѣтаетъ.«

19. Апр. 1852.

(Съ Нѣмец.) Н. Белецкій.

К ъ л и р ѣ.

Хочу я пѣть Апридовъ,

Хочу я Кадма пѣть,

Упрямая же лира

Все про любовь твердишь.

Паспронъ лиру я

И пѣть дѣла Ирама,

А лира споднишка

Любовь одну поетъ.

Оспавлю жъ я проевъ

И буду вмѣстѣ съ лирой

Все про любовь твердишь.

Харковъ 1852.

Съ Греческаго, изъ Авакрсона, Гриневъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ВОСПИТАНІЯ.

Аѳинское воспитаніе.

Аѳинскому воспитанію далъ направленіе
знаменистый законодатель и мудрецъ Соловъ. —

Солонъ родился въ 638. году до Р. Х., умеръ въ 559. году, происходилъ изъ роду Королей Аѳинскихъ. — Какъ Ликургъ вдаюся въ одну крайность, такъ Солонъ въ другую. Не говоримъ о томъ, что ни Ликургъ ни Солонъ не понимали высшаго назначенія челоуѳка и воспитывали согражданъ своихъ единственно для земли: на земное существованіе его смотрѣли они съ разныхъ точекъ, и взгляды обоихъ были односторонни и неполны. Ликургъ чувствовалъ, что люди должны соспавлять органическія общества; но при этомъ неясномъ предчувствіи онъ не думалъ, что и каждой часпи шакого организма, взяшой ондѣльно, предназначено сообразное значенію его въ цѣломъ частное совершенство. Солонъ, напротивъ, обративъ преимущественное вниманіе на частное состояніе людей, не подумалъ, что нарушитъ органическую цѣлостъ всего, когда поставитъ оную въ зависимость отъ частей. Какъ Ликургъ старался семейный бытъ совершенно подчинитъ быту государственному, такъ напротивъ Солонъ старался государственнй бытъ подчинитъ семейному, и первый основать единственно на послѣднемъ. Хотя каждое дѣло принадлежало опечеству по законамъ его, но воспитаніе его возлагалось

вполнѣ на опца. И хопя могъ опецъ опдапъ сына своего или дочь въ публичное заведеніе, но мало помалу домашнее воспитаніе спало быпъ предпочипаемо общеспвенному, и наконецъ послѣднее вовсе упало. Солонъ между прочимъ имѣдъ пакже въ виду, чпобы образованносшь была преимущеспвенно доступна только богашѣйшимъ гражданамъ.

Если сообразимъ все это съ свободою, какая господсповала по его законамъ въ воспитаніи и вспомнимъ къ чему должны были клониться воспитатели неимѣвшие понятія о высшемъ, неземномъ предназначеніи человѣка, по безъ пруда можемъ себѣ предспавипъ, къ какой цѣли должно было довести людей воспитаніе, основанное на Солоновомъ законодательствѣ. Испорія показываепъ, чпю общая испорченносшь Аѣинскаго народа и разслабленіе всего Государства были плодомъ сто. Не поднимающіеся выше обыкновеннаго взгляда на человѣка, взгляда со стороны его частнаго и земнаго сущеспвования педагога, какъ на пр. знаменипый Шварцъ, спавяптъ Аѣинское воспитаніе едва не выше всего на свѣпѣ, называя его первымъ шагомъ человѣчества къ свободному, собспвенно человѣческому образованию.

Согласно съ эпою же модою, копоря Іуліана опспуника до небесъ превозноситъ и Константина Великаго низвергаетъ на степень коварнаго злодѣя, Аѳинское просвѣщеніе, эша ушонченная образованность Гоморрская, прославляется многими съ совершенною безошченностью. Указываютъ на Сократовъ, Платоновъ и другихъ испинно великихъ людей, родившихся въ сей обители Геперь. Но Сократы и Платоны могли и должны были явиться по среди пысячь, погруженныхъ въ глубочайшую мглу невѣжественной и отвращительной жизни почно пакже, какъ совѣсь въ глубинѣ испорченной души пробуждается съ шакою свѣпкостью, что совершенно похожа на чистую мудрость? Но учишься ли у эпой совѣспи шѣмъ, копорымъ сама мудрость открыва? Учишься у Сократа или у Платона намъ, Христіанамъ, кажешся мнѣ, шже, что здоровому пишь лекарство, потому что эпо лекарство полезно для больнаго.

Не съ эпой шочки шопряшъ на великихъ людей Аѳинъ и вообще Греческой и Римской древности и до сихъ поръ въ шакъ называемомъ ученомъ мірѣ Европы: въ немъ признаютъ языки и шворенія классической древности за испинное основаніе всякой учености. — —

Вошь ходъ воспанія, которому обыкновенно слѣдовали въ Аоннахъ:

Лѣтъ до 5., 6. или 7. днѣя оспавлялось подъ женскомъ смопрѣніемъ. Семи лѣтъ препоручали его Педагогу, въ какое званіе обыкновенно избирались рабы. Педагогъ сей былъ вполне поже самое, что въ Россіи дядька. Онъ водилъ ребенка въ Гимназію, приводилъ оугъ шуда домой, смопрѣлъ за его поведеніемъ и проч. Въ Гимназіи наблюдатель порядка назывался Педопрібъ или Гимнаспѣ. Онъ наказывалъ хлыспикомъ приходившихъ поздно, назначалъ діошу и вообще имѣлъ смопрѣніе за правспвенностію. Главнымъ начальникомъ Гимназіи былъ Гимназіархъ. Эпо мѣсто занимали обыкновенно богатѣйшіе и знаншійшіе изъ гражданъ. — Гимнаспическія упражненія раздѣлялись на пять разрядовъ, два легчайшія: Борьбу и Кулачный бой и при шруднѣйшія: Бѣганье, Прыганье и Мешанье въ цѣль. Плаванье, Танцы и проч. принадлежали къ особеннымъ упражненіямъ. Для каждаго рода сихъ упражненій былъ назначенъ особый Гимнаспѣ.

Грамматиспы учили чпенію и письму и задавали учить наизуспѣ снпихи изъ Гомера и другихъ снпиховорцевъ. Случалось, что нные ученики знали наизуспѣ всю Одиссею и Шліаду. Изучашъ иноснраинные языки починалось пре-

небрежипельнымъ. Изученіе Грамматики назначалось единственно для опечиственнаго языка. Мѣсто гдѣ преподавалъ Грамматистъ, называлось Дидаскаліонъ, также Педагогіонъ.

Опъ Грамматиста переходилъ ученикъ къ Грамматику, который объяснялъ писателей, полковалъ въ нихъ темныя мѣста, и сообщалъ свѣденія Мифологическія, Историческія и проч. Впрочемъ это различіе Грамматиста опъ Грамматика принадлежитъ позднѣйшему времени. Во время Аристотеля его еще не было. Въ послѣдствіи подъ именемъ высшей Грамматики разумълось еще болѣе, по чпо мы нынѣ разумѣемъ подъ именемъ Филологіи, или даже весь объемъ учености. Въ послѣдствіи имя Грамматика перешло въ названіе Полигистора.

Третье занятіе Аѳинскаго юношества была музыка. Упряженіе въ пѣніи починалось въ семь случаевъ главнымъ дѣломъ. Изъ инструментовъ употреблялись Китары и Авли или Флейта. Изученіе музыки зашруднялось 120. пошными знаками, которые были не чпо инос какъ буквы въ разныхъ направленіяхъ поставленныя. Впрочемъ не всякій ученикъ допускался къ изученію музыки. Лишь Гимнастика и Грамматика преподавались безъ изытія и

богатымъ и бѣднымъ. Во время Платона по-
пашіе о музыкѣ имѣло уже большой объемъ.

Обыкновенно выходили изъ Гимназіи лѣтъ
18. Тутъ съ разными обрядами принимался
юноша въ число молодыхъ гражданъ, въ про-
долженіе двухъ лѣтъ долженъ былъ ходити на
спражу за городъ и упражнялся въ это время
въ Гимнастикѣ воинской. И наконецъ 20. лѣтъ
вступалъ въ званіе полныхъ гражданъ. Тутъ
онъ приносилъ въ храмъ присягу въ граждан-
скихъ обязанностяхъ.

На женское воспитаніе было мало обра-
щаемо вниманія. Заключенныя въ опдаленнѣй-
шей части дома, не только запершой, но и
спорожимой обыкновенно Молосскими собаками,
дѣвицы жили вмѣстѣ съ малыми дѣтьми, ра-
бынями и хозяйкою дома. Только въ шоржесп-
венныхъ богослужебныхъ процессіяхъ являлись
онѣ публично. Дома упражнялись онѣ въ прі-
обрѣтеніи красивой наружности: крашеніи во-
лось, въ сюрменіи бровей, приговлениіи ду-
хогъ и проч. Впрочемъ приучались также къ
разнымъ домашнимъ работамъ, прясль, шить,
вышиванью; иногда также учились чтенію,
письму и музыкѣ, для чего посѣщали и публич-
ныя училища.

Испочники: Между древними: Plato (Pro-
togoras. — De legg. I. II. VI — VIII.; De Re-

publ. III. V. VI. VII. IX.) Aristoteles Polit. VII. VIII.; Athenaeus Deipnom. X.; Chrysippus (Quintil. Inst. 1. 9.); Theophrastus (Diog. Laërt. V. 5, 12.); Ocellus Lucanus. De Nat. Rerum. —

Между новыми: Hochheimer: Versuch eines Systems der Erziehung der Griechen u. 1788. Goes; Erziehungswissenschaft der Griechen und Römer. 1808. Michaelis: Ideen über Erziehung nach der Polit. des Aristot. 1803. Barthelemy: Voyage du j. An. —

Осколки ошъ Философскаго Мозанка.

1. Изъ какого-шо Философа.

Начало каждаго духа состоить изъ двухъ свойствъ: познаванъ и любить. Предмъ его познаня, есть грань естества его. Существо безмерное ничему не выучивается. Оно по природъ своей знаетъ все что знать должно. Никакое существо не можетъ любить зла по природъ своей; ибо тогда должно бы было предположить, что Богъ сотворилъ его злымъ; что невозможно. — И пакъ, ежели человекъ подверженъ невъжеству и злу; по это иначе бытъ не могло, какъ въ следствіе какого-либо случайнаго поврежденія; а поврежденіе сіе не могло произойти ни ошъ чего иного, какъ ошъ преснупленія. — Та поиребность, та алчба познанія, которая мучитъ человека, есть природное стремленіе существа его къ первоначальному состоянию. Она указываетъ ему, чмъ онъ сдѣлался. Его плещь къ области свѣта. Это его центробъжность. Ни бобръ, ни ласночка, ни пчела не хотять знать болѣе своихъ предшественниковъ. Все су-

щесства спокойно занимающъ свое мѣсто. — Въ пали; по не знаюшъ этого. Одинъ человекъ чувствуетъ что онъ палъ. И сіе чувство есть, въ одно и тоже время, доказательство и величія и злополучія его, высокихъ правъ его и глубочайшаго униженія. Въ семь злополучій, коимому онъ себя подвергнулъ самъ, не наслаждается онъ даже и падевыми щасіемъ не знающъ его. — Онъ долженъ непрестанно видѣть его, и не можетъ видѣть иначе, какъ красна. Унижаемый самымъ своимъ величіемъ, при свѣтѣ разума, къ Ангеламъ его приближающаго, долженъ онъ разсмапривать мерзоснѣйшія свои склопности, унижающія его до безмысленнаго животнаго. Онъ ищетъ въ основаніи сущесства своего какой-либо неповрежденной части и не находитъ ее. Зло все оправило и весь человекъ — одна болячка! (Hirrosch.)

Воля его, подобно змѣ Тассовой (*) тащитъ сама за собою, спыдлсь своего разслабленія. — Человекъ чувствуетъ, что онъ смершно раненъ — въ волю. Не знаетъ чего хочешь, хочешь чего не хочешь, не хочешь того, чего хочешь и хотѣлъ бы хотѣть! Онъ находитъ въ себѣ что-то такое, что не онъ, и что сильнѣй его. Мудрый пропипия и вопіетъ: кто мя избавишь (**)? — Безумецъ покоряется и именуетъ подлостью свою щасіемъ; но не можетъ залушить другой воли своей, хотя и пошерявшей власпъ надъ нимъ, но неизпробимой въ ея основаніи; и угрызѣніе ее произаетъ сердце его, крича непрестанно: »Аще ли еже не хочешь, сіе творишь, хвалишь законъ, яко добръ.« (**). (То есть какъ бы такъ: Дѣлая то, чего не хочешь, ты доказываешь, что въ тебѣ есть законъ, влекущій тебя къ добру.)

(*) E sè deposo hè tira. Tasso, xv. 48.

(**) Къ Римлян: гл. vii. сш. 24.

(***) Тамъ же, сш. 16.

2. Кеплеръ.

Геній не карабкается по лѣсикъ силлогизмовъ. Онъ идетъ свободно. Видно, что вдохновенъ. — Кто выше Кеплера въ Астрономіи? — Самъ Невтонъ есмь только исполковашель сего великаго чловѣка, котораго имя написано на небѣ. — Его открытіе совершенно независимо отъ всего прежде выученаго. Истинное вдохновеніе. — Есмьли бы онѣданы на судъ нашихъ Мудрецовъ его мистическія соображенія чиселъ и небесной гармоніи, столь тѣсно связанныя съ благочестивыми идеями его; но они бы разсмѣялись надъ мечтами — бѣднаго суетвѣра и фанатика! — По щастію, что живя подъ его законами, они не читали его жизни; а по бы доспалось ему! — (Mairan dissertation sur la glace 1749. in 12. grès, p. 11.)

3. Науки и Христіанство.

Примѣнили ли вы, что невѣріе ничего важнаго не открывало и не можетъ открытъ? —

Скитиръ науки когда онѣданы въ руку Европы? — Когда она держала уже въ другой крестѣ. — Какія училища были первыми? — Богословскія. — Попробуйте научить юношество вашимъ наукамъ — безъ Религіи; — пошлите къ дикимъ, вмѣстѣ миссіонеровъ, Академиковъ, и посмотрите что выйдеть! — — Прежде чѣмъ познаешь міръ, познай себя. (Сенека. Ер. н. xv.)

Всякое метафизическое положеніе, которое не выливается само собою изъ какого-либо Христіанскаго догмата, есмь не что иное, какъ пресупунный бредъ.

М. Просподумовъ.

Urwelt und die Fixsterne Шуберта.

На 487. стр. III. т. Исторіи Философін Рикснера изложено вкратцѣ содержаніе Шубертова сочиненія: *Urwelt und die Fixsterne*, издавшаго имъ въ 1822. году въ Дрезденѣ. Оно очень ксташи идетъ къ опломкамъ Г. Просподумова. Вопреки всемъ испытаніямъ природы и Натуральнымъ философамъ доказываеца въ семъ сочиненіи слѣдующее:

I. Что известная намъ поверхность земли не такъ ужасно древня, какъ по принимають и стараются утверждать многіе, основываясь на недоказанныхъ предположеніяхъ о постепенности образованія;

II. Что нынѣ существующему мірозданію, которое есть твореніе Бога, художника всемогущаго, не предтсествовали многія другія несовершеннѣйшія, какъ бы лишь для опыта создававшіяся Богомъ, и пошому скоро опять увядавшія, мірозданія, но что все роды и виды совершеннѣйшихъ и несовершеннѣйшихъ образованій, все роды ископаемыхъ, растеній и животныхъ произошли вдругъ;

III. Что пепереннѣй видъ поверхности земной есть слѣдствіе истинно всеобщаго потопа, отъ котораго часть стараго материка превратилась въ дно морское, а часть стараго дна морскаго въ новый материкъ — не постепенно, а внезапно и насильственно; и что погданный родъ человѣчскій былъ такъ же весь погинути съ нимъ переворопомъ;

IV. Что наконецъ неподвижныя звѣзды вообще ни чуть не столь далеко отъ нашего шара отстоятъ, какъ обыкновенно принимають; что не необходимо слѣдуетъ заключать, что чѣмъ меньше звезда кажется, тѣмъ далѣе отъ насъ должна отстоять, какъ дѣлали до сихъ поръ астрономы; что наконецъ ни мало не все неподвижныя звѣзды изъ твердыхъ тѣлъ состоятъ, но вѣроятнѣе большая часть ихъ и особенно млечный путь и знакъ называемыя туманныя пятна не что другое суть, какъ шарообразныя помѣшныя скопленія эфирной свѣтовой матеріи, подобно кометамъ, также большою частью несмѣющимися зѣрнами и преходящими. —

Еще о Спешенсѣ.

Въ прошедшемъ году напечаталъ Спешенсъ новое изданіе книги своей: *Von der falschen Theologie und dem wahren Glauben.*

Въ предисловіи къ сей книгѣ въ короткихъ словахъ разсказалъ онъ весь ходъ своего обращенія. Вотъ онъ: » Упомывшись продолжительною борьбою съ вѣдѣніемъ, которое не только внутри определенныхъ для него границъ, но и тамъ, куда оно не можетъ достигнуть, усиливало себя въ себя основать, — началъ я обращаться духомъ къ Христіанству, началъ я болѣе предощущать (ahnen), нежели вѣровать, что Спаситель міра есть въ то же время и спаситель заблужднаго разума отъ его заблужденій. Тамъ, которые знаютъ мои сочиненія, не трудно будетъ пайдти сіе наклоненіе мое, возбужденное сначала болѣе предчувствіемъ, нежели на твердой вѣрѣ основанное. Когда мы, предоставленные самимъ себѣ, одни боремся съ сомнѣніями нашими, тогда самый намекъ отъ Благодати мы весьма легко принимаемъ за произведеніе собственнаго чувства; и не прежде какъ среди вѣрующей общины (церкви), собранной вокругъ учителя, коего собственная неколебимая вѣра въ Спасителя составляетъ твердое средошчіе, открываются глаза наши, и общалъ вѣра отдѣляется въ насъ отъ нашего собственного, частнаго чувства, и ясно становится намъ, что лишь изъ Благодати оно произтечь могло, ясно намъ становится предметъ его — какъ высшее, отъ колебанія чувствъ и мыслей человѣческихъ вовсе независящее, намъ опкровенное Царство Божье. Такой учитель, соединившій меня съ церковью, былъ для меня Шейбель.« —

Изложивъ въ началѣ сочиненія двоякое вѣрованіе въ Христа, одно — модное, философское, отвергающее чудеса, подчиняющее Бога законамъ, Имъ же установленнымъ, называющее законы сіи вѣчными, говорящее, что чудеса и пророчества были и въ другихъ религіяхъ, и въ мифологіяхъ, — усиливающееся отдѣльнѣе внутреннее знаменованіе Вѣры Христіанской отъ обстоятельство Историческаго явленія его, и ссылающееся на безпредразсудочную просвѣщенность нынѣшняго вѣка, — и другое вѣ-

рованіе, опровергающееся всякаго своевольнаго толкованія слова Божья, и съ непоколебимымъ убѣжденіяхъ чувствующее, что нѣтъ вѣры — безъ вѣры безусловной, не только недержавшей сомнѣванья въ чудесахъ, но прелепущей даже мысли объяснять оныя — Стеффенъ переходить къ опроверженію перваго послѣднимъ. — Больше о сей книгѣ можетъ быть послѣ, —

Послѣднее образцовое произведеніе Гёте.

Великій Гёте! его нѣтъ больше! Угасъ знаменитый свѣтильникъ Германіи! угасъ, — и только — какъ дымъ опть потухшаго факела — одна печальная молва о немъ еще пещется по ученому міру. —

О, великій Гёте! кто ему былъ равнъ въ живописаніи чело-
вѣка во всехъ тысячеобразныхъ видахъ бытія его? Чье перо,
чья кисть, чей рѣзецъ, кто, кто въ силахъ бы изобразить Вер-
тера, Вильгельма Мейстера, Фауста, самого Мефистофелеса, какъ
изобразилъ ихъ Гёте? И нечислялъ ли все множество его произведе-
ній, его великихъ произведеній? весь міръ ученый ихъ знаетъ. Но все
произведенія его, и даже самый Фаустъ — ничто въ сравненіи
съ величайшимъ, глубокомысленнѣйшимъ, издѣлнвѣйшимъ произве-
деніемъ, которое сочинилъ онъ въ послѣдніи минушы жизни
своей; въ немъ онъ себя самого превзошелъ; въ немъ самъ онъ
ясно говоритъ, что все, что онъ прежде писалъ — ничто. . . .
Это сочиненіе. . . . Смотриште Прусскую Государственную газе-
ту: »Гёте, умирая на креслахъ, до самой минуты кончины
своей, когда и рука уже упала на колѣно, — писалъ пальцемъ
на воздухъ.« —

Чтенія въ Берлинскомъ Университетѣ.

Теологія: Значеніе Философіи въ Теологіи — Маргей-
неке; Вседніе въ Вѣхъ, Завѣтъ — Петерманъ; Пятикнижіе

— Генгшенбергъ; Кн. бытія — Ванке; Пророчество Исаи — Бепари; Изъясненіе избр. мѣствъ Исаи — Мюллеръ; Псалмы — Бепари; Избр. псалмы — Ванке; Избр. мѣста въ кн. Иова — Беллерманъ; Кн. Иова — Улеманъ; Упражн. въ экзегезѣ мѣствъ изъ Вѣт. Зав. — Пенерманъ; Введ. въ Нов. Зав. — Герлахъ; Тоже — Ванке; Тоже — Улеманъ; Эв. Матфея — Генгшенбергъ; Дѣя. Апостол. — Герлахъ; Тоже — Фогтъ; Посл. къ Колос., Эфес. и Филипп. — Шлейермахеръ; Посл. къ Гал. — Майергофъ; Пос. къ Эвр. — Ломмацъ; Посл. Іак. — на Латинск. оныже; Жизнь Иисуса Христа — Шлейермахеръ; Начерт. всей Церк. Исторіи — Майергофъ; Перв. ч. Церк. Исп. — Фогтъ; Последн. ч. Ц. И. — Неандеръ; Исп. Миссій повѣщ. вр. — Майергофъ; Христіан. Догматика — Маргейске; Символика — оныже, по своей Лат. кн.; Введеніе въ Аугсб. Исповѣданіе — Фогтъ; Теологія Ап. Павла (*eigenthümliche Theologie*) — Неандеръ; Теологич. Правоученіе — оныже; Всеобщ. прак. Теологія — Шпраусъ; Капехетика — оныже; Диспуны о мѣстахъ Нов. Зав. на Лат. — Ломмацъ; Практич. Упражн. въ Теологич. предметахъ — оныже; Экзегетич. и Церковносп. репериорія — Майергофъ; Гомиленич. упражн. — Шпраусъ.

Правовѣденіе: Энциклопедія Правоученія — Кленце; Исп. Пр. — Моосдорферъ-Росбергеръ; Исп. Пр. Римск. до Юстиниана — Кленце; Институціи и Древности Рим. Пр. — Савиньи; Пандекты и о правѣ наслѣдства — Гансъ; Пандекты — Рудорфъ; Право насл. — оныже; Реципивиоріумъ о пр. насл. — Моосдорферъ-Росбергеръ; Опрывки Ульпіана — Рудорфъ; Церк. Право — Эйхгоръ; Исп. Государственн. и Права въ Герм. — Гомейеръ; Тоже — Филлипсъ; Герм. Часни. совключ. Ланцаго и Торгов. Права — Lancizolle; Тоже — Филлипсъ; Объясн. соч. *der Saßenspiegel* — Гомейеръ; Объясн. и способахъ къ изуч. Герм. Права — Ланциолле; Древности Герм. Пр. — Филлипсъ; Европ. и въ особ. Герм. Госуд. Пр. — Гансъ; Европ. Народн. Пр. — Ланциолле; Общ. Герм. и Прусск. Судопроизв. — Яркс; Тоже — Моосдорфъ; Практич. упр. въ шомъже — оныже; Общ. Уголовн. Пр.

и Судопр. — Клепце; Общ. и Прусск. Угол. Пр. и Судопр. — Яркс; Учение о причинности (Lehre von der Causation) — опъже; Прусск. Земск. Пр. — Савинны; Тоже — Гомейеръ; Репешпоріумъ тогоже — Моосд.-Росб.

Медицина: Энцикл. и Методологія Мед. — Рудольфъ; Осн. рациональной Мед. — Рейхъ; Школа теор. Мед. — Иделеръ; Исп. Мед. — Гекеръ; Афоризмы Гипокр. объял. на Лип. — Баршельсъ; Оснсол. — Шлеммъ; Ангіол. и Цеврол. — д'Алтонъ; Анап. орудій чувствъ — Шлеммъ; Сравн. Анап. — Рудольфъ; Физиол. — опъже; Всеобщ. Физиол. Горкель; Антропол. какъ приуготовительная наука Испихаприн — Крайхфельдъ; Гомеобіотика — Шульцъ; Осн. мед. Зоологіи и Ботаники въ соед. съ репеш. — опъже; Всеобщ. теор. и мед. Боп. въ соед. съ демонстраціями, микроск. набл. и боп. экскурс. — опъже; Всещствосл. — Озаннъ; Практ. врач. Веществсл. — Зунделинъ; Токсикол. — Линкъ; О Месмеризмъ и употр. животи. Маги. въ врач. иск. — Вольфартъ; Иск. инс. рецепши — Касперъ, и припомъ практ. упр.; Формулярная часниъ — Зунделинъ; Тоже — Ангельштейнъ; Памол. — Гуфеландъ млад.; Всеобщ. Лип. и Терап. — Вагнеръ; Часни. Пам. — Горнъ; Семіон. — Гуфеландъ мл.; Всеоб. Пам. и Осн. Семіо. — Экъ; Всеоб. Терап. — Баршельсъ; Тоже — Экъ; Тоже — Оппертъ; Всеоб. Терап. и перв. ч. часни. — Гуфеландъ мл.; Всеоб. Терап. и Діагн. — Беккеръ; Часни. Терап. — Гекеръ; Часни. Пам. и Терап. — Рейхъ; Рук. къ раздознав. и лечен. болезней члов. — Беккеръ; О дышк. бол. — Касперъ; Всеоб. и часни. Пам. и Терап. болзней духа — Горнъ; О леченіи душевн. бол. — Иделеръ; Пазологич. особ. Терап. перви. и кров. снети. — Вольфартъ; О нервн. бол. — Рембергъ; Анап., Физиол., Пам. и Терап. чловч. глаза, и клншн. упражн. — Крайхфельдъ; Офтальміяприка — Грасс; О бол. мозга — Понкель; О проих, распрости и леченіи эпидем. бол. особ. Нид. холеры; Пам. и Терап. холеры — Вагнеръ; О холеры — Ромбергъ; О раздознав. и лечен. свнл. бол. — Оппертъ; О средст. свнсенія привнзанныхъ опас. — Озаннъ; Повноренія изъ Физиол., Пам., Терап., Врачебн. Веществосл. и

рецептн. иск. -- Зупдлинъ; Хирургія -- Грѣе; Общ. и частн. Хир., совключ. глазн. и снѣл. бол. -- Руспъ; Общ. и ч. Хир. -- Йонккенъ; О Хир. операц. -- Клуге; О переломахъ копей и вывихахъ -- онъже; О Хир. повязк. -- онъже; Показ. дѣланъ глази. операц. -- Йонккенъ; О главнѣйш. глази. опер. -- Ангельштейнъ; Онъже -- Пракш. курсъ всѣхъ гл. оп.; Огл. оп. -- Грѣе; Теор. и пракш. Акушерства -- Бушъ; Экзамнапоріумъ въ предм. Акуш. -- онъже; Объ операц. Акуш. -- онъже; Пракш. и Теор. часть Повив. Иск. -- Клуге; Мед.-клинич. упражн. -- Баршельсъ; Клин. упр. въ полнклинич. Инстит. -- Гуфеладъ мл. въ соед. съ Озаниомъ и Буссе; Клин. упр. въ больницѣ Charité -- Руспъ; Клин. указанія -- Вольфартъ; Клин. упр. въ леченіи бол. духа -- Иделеръ въ опѣ сумасш. поѣже больницы; Клинич. упр. въ леч. дѣл бол. въ поѣже б.; Клиника Хирургн и леч. гл. бол. въ Унив. болн. -- Грѣе; Пракш. упр. въ леч. гл. бол. въ блн. Ш. -- Йонккенъ; О снѣл. бол. Клин. преподав. въ б. Ш. -- Клуге; Упр. Хир. надъ трунами и Клин. упр. въ Акуш. иск. -- Клуге; Акуш. Клиника -- Бушъ; Судебн. Мед. и пракш. упр. -- Вагнеръ; Тоже съ руков. при соч. мнѣній, для Медик. и Юриспозъ -- Касперъ; Скопелечевіе -- Реклебсъ; О повальн. бол. домашн. скопа, въ соед. съ Судебн. Скопелеченіемъ и Ветеринарною Полиціею -- онъже. --

Философскія науки: Филос. Энцикл. и Методол. Рипперъ; Филос. Энцикл. по Гегелю, совед. о нов. фл. сист. соврем. Вольфа -- Гото; Методол. Филос. -- Кейзерлингъ; Логика -- Рипперъ; Лог. и Метамфиз., съ общ. введ. въ Фил. по Гегелю -- Геннингъ; Лог. и Энцикл. Филос. -- Бенке; Психол. Кейзерлингъ; Система Правоуч. -- Шлейермахеръ; О нравств. жизни -- Рипперъ; Ест. и Госуд. Право или Философія Права -- Мицелле по Гегелю; Наука воспитанія и преподаванія -- Бенке; Эстетика или Философія Пляцига, Пляци. Иск. и Исп. Из. Иск. -- Гото; О понятіяхъ объ Пляци. и Поезіи Грек. и Римл. -- онъже; Исп. Филос. -- Бенке; Филос. Всемирной Исп. -- Мицелле; О жизни, соч. и филос. Аристотел. -- онъже; Крши. взобр. Кантов. Сист. -- Бенке.

Математическія науки: Анал. плос. и сф. Тригон. -- Грюзонъ; Тоже -- Омъ; Тригонометрич. упр. -- оубже; Осн. Анал. Геом. -- Дирксепъ; Ал. Геом. -- Миндингъ; О конич. сѣч. -- Иделеръ; Осн. анал. уч. о крив. лин., въ особ. о кон. сѣч. -- Омъ; Сплатич. и Мех. науки -- оубже; Опш. -- Зебекъ; Тоже -- Дове; Теор. уравненій -- Леженъ-Диршле; Диф. и Инт. Исч. -- Грюзонъ; Тоже -- Лаж. -- Дир.; Высш. Анализъ -- Луббе; Инт. Исч. -- Дирксепъ; Прилож. Диф. исч. къ крив. л. -- оубже; Маш. Географ. -- Иделеръ; Тоже -- Ольшмансъ; Высш. Геодез. и Исп. Землемѣрія со вр. Эрапосепса -- оубже; Маш. Геогр. -- Миндингъ; О географич. опредѣл. мѣстъ -- Энке; Космогр. -- Зебекъ; Исп. Маш. -- Миндингъ; Повтор. Математич. -- оубже. —

Естественныя науки: Опыти. Физ. --- Гермбшпедтъ; Тоже -- Турне; Тоже -- Поль; Тоже -- Дове; Тоже Шубартъ; Основ. Физ. и Хим. -- Турне; Объ Элекприч. и Магнетизмѣ -- Эрманъ; Метеорологич. Атмосферологія -- оубже; Экспериментальныя демонстраціи Электромагнетическихъ явленій -- Поль; Эксперим. Химія -- Миншерлихъ; Фармац. и Фарм. Химія -- Гермшпедтъ; О пригоп. алыкалич. и землян. лекарствъ -- оубже; Квалификаціонная часть аналитич. Хим. -- Розе; Уч. о пропорц. Химич. и Электрохимія -- Миншерлихъ; Химич. аналитич. упр. -- Розе; Прак. Хим. упр. -- Магнусъ; Объ открытіи ядовъ въ оправл. веществвахъ -- Розе; Техпол. -- Магнусъ; Гётево ученіе о цвѣтахъ -- Генпингъ; О методахъ опредѣляющ. геогр. магнет. и метеорологич. отношеній мѣстъ -- Эрманъ; Исп. Исп. и Энци. и Методол. Исп. ц. -- Линкъ; Всобщ. Исп. млекоц. -- оубже; Введ. въ Физиол. Живопис. не имѣющихъ суставнаго скелета -- Эренбергъ; Энциклоп. -- Клуге; Осн. Бошп. -- Кунтъ; Теор. и практ. Бошп. и экскурс. бошп. -- Линкъ; Основ. Бошп. и бошп. экск. -- Ф. Шлегенцаль; О законахъ описанья. Бошп. -- Гайне; Бошпич. демонстраціи -- Кунтъ; О лекарств. расп. -- Гайне; О питан. расп. -- Шлегенцаль; Минералог. -- Розе; Минералогич. упр. -- Вейсъ; Геогноз. -- оубже; Кристаллогр. -- оубже; Лан. диспуты о предм. физиол. и естеств. испор. -- Вигманъ. —

Государственные и Камеральные науки: Справочника и уч. объ обр. Правл. Европ. и Америк. Госуд. — Раумеръ; Положиш. Европ. Народ. Право — Гельвингъ; Основн. черны Прусск. Публ. и Администраци. Права — Геннингъ; Госуд. Хоз. — Голманъ; Основн. Полож. ремесленн. Полици (Gewerbpolizei) — ошьже; Общ. Технол. — Гермбиннедингъ; Камеральная Химія — ошьже; Теорія Земледѣлія — Шперингъ; Сельск. Хоз. — ошьже; О скоповодствѣ — ошьже; О раснозн. и леч. бол. вѣлкаго домаш. скопа — ошьже; О садоводствѣ — ошьже; Энцикл. Лѣсн. наукъ — Гарнингъ; Обь оцѣнкѣ лѣса и о размнож. л. (Forsttaxation und Forstbetriebs-einrichtung) — ошьже; Лѣсоводство — ошьже; Обь упр. лѣса — ошьже; Экскурси въ лѣса въ осенн. ваканси — ошьже; Ueber das Seewesen (обь употребл. лѣса въ морск. дѣль?) — ошьже.

Исторія и Географія: Всемірн. Исп. въ общ. связи Ранк; Римск. Исп. и Древности — Цузингъ; Исп. Сред. вѣк. — Мюллеръ; Древности Сред. в. — Ф. деръ Гагенъ; Нов. Исп. съ 16го в. — Раумеръ; Исп. Евр. Государствъ — Шмидингъ; Всеобщ. Исп. Герм. — Вилькенъ; Нѣ. Прусс. Госуд. — Гельвингъ; Обь Нѣ. послѣд. 50. лѣтъ — Ранк; Всеоб. Исп. Америки — Куфаль; Исп.-критич. Упр. — Вилькенъ; Геогр. Европы — Рипперъ; Древ. Геогр. Маласины — ошьже; Исп. древн. Геогр. — Мюллеръ; Гидрогр. и Физиогр. Югоамерик. осп. и прибрежн. справъ — Ольшманъ. —

Исторія и исторія Искусствъ: Всеоб. Археологія рисовальныхъ иск. у древ. и. — Телькенъ; О гипсов. оплѣнкахъ древн. памятн. въ Корол. Акад. — ошьже; Обь Эгнинъ и его памятникахъ — Гирингъ; Практ. и исторія Лѣвн. — Целлеръ; Энциклопедія и Методологія Музыки — Маркъ; Теоретич. и практич. рук. къ Музыкальной Композици — ошьже. —

Филологическія Науки: Одиссея Гомера кв. XI — XII. — Лапге; Персы Эсхила объясн. на Лат. Яз. — ошьже; Димосо. рѣчь о королѣ — Бекгъ; Димосо. Филлипики — Крюгеръ; Нѣком. рѣчи Псокрана — Беккеръ; Платона Кратилосъ — Гейзе; Введ. въ соч. Горация и объясн. Науки спичохн. — ошьже; Посланиа и Наук. Спичохн. Горация — Лах-

манпѣ; Ръчи Циц. de lege agraria — Цумпфъ; Исп. Греч. Липп. — Бектъ; Греч. Грам. — оньже; Лашпи. Этимологія и Синтаксисъ — Поппиъ; Ираклич. упр. — Крюгеръ; Введ. въ изуч. всеобщ. Мисологіи — Шпуръ; Греч. Мисол. — оньже; Мисол. Инд. и др. народ. Воспощ. Аз. — оньже; Этнографич. лингвистич. обзоръ принадлежащихъ къ Санскритск. поколѣнію народовъ — Поппиъ; Срав. Грам. Санскр., Греч., Липп. и Нѣм. Яз. — Боппъ; Санскр. Яз. — оньже; Избр. Эпизоды изъ Мага-Бараты — оньже; Евр. Грам. — Бенари; Семишскіе діалекты, Санск., Перс. — оньже; Евр. Гр. — Улеманиъ; Араб. Яз. — Видкеиъ; Тоже — Пестерманпъ; Тоже Гевгенсбергъ; Арм. Яз. — оньже; Испорич. и срав. Нѣм. Грам. — ф. деръ Гагенъ; Готтск. Яз. въ сравн. съ нов. Нѣм. Нареч. — Цейце; Рыцарск. стихопв. Готтфрида Спрасбургскаго, Триспанъ и Изольниъ — ф. д. Гагенъ; Исп. древ. Нѣм. Позиіи — Лахманпъ.

Новые Языки: Освоб. Іерус. Тасса — Фабруччи; Хрестом. Итал. — оньже; Основ. Итал. Яз. — оньже; Данте: Divina Commedia — Франчезонъ; Курсъ Франц. Яз. — оньже; Милліона пошерай — ф. Сеймуръ; Прен. Англ. Яз. — оньже. —

Сверхъ того гимнастич. упражн.: Фехтованіе, водоплижирова- ніе, верховая ѣзда и пр. —

ЯБЛОКИ ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА.

Опославъ чпенья Берлинскаго Универси- пета въ типографію, сѣлъ я опдохнуть пе- редъ окошкомъ, и, смотря въ него, разсуждаъ, какъ мудра, какъ учена Германія; пересчитываъ въ головѣ всѣ Университеты ея, всѣ ученныя общесства, постоянныя и движущіяся, чело- конспышывашельныя и природопишашельныя и проч. и проч. Но скоро видъ прекраснаго весен- няго вечера опвлекъ меня опъ размышленій силъ. И, оставивъ общесствамъ ученыхъ вмѣс-

пѣ съ ученоспью ихъ двигаешься не только изъ Гейдельберга въ Гамбургъ, но куда угодно, впередъ, назадъ, вверхъ, внизъ, кругомъ, я опдыхалъ мыслями, любуясь, какъ море сверкало играя съ послѣдними лучами солнца, какъ какъ-бы легкіе оспровки свѣна скользили по Лаксбергу, по раздолу заспроенному домикали предметъсцій и по черепичнымъ крышкамъ Ревеля.

Вопъ съ гиганщекаго чернаго щпица Никольской колокольни соскользнулъ и цослѣдній лучъ, и спало смеркается. Вдругъ вижу, издали лепишь чпо-по, и прямо на меня; водпъ ближе, ближе, — чпо-по большое; всманриваюсь — машенъ крыльями и хлопаенъ свѣпщимися глазами — Филинъ. Спукнулся въ окно ко мнѣ, я поскорѣе опкрылъ окно и вцуспиль его. Надобно сказапъ, чпо въ дѣшесптвѣ мнѣ удалось одного молодаго Филина спаспи изъ плѣна, въ кошорый было попался онъ къ одному изъ рѣзвыхъ шоварицей моихъ. Филинъ эшонъ, видно изъ благодарности, полюбиль меня; и, когда бывало уединишься въ соседнюю роцу или лѣсъ, урокъ ли учиптъ или пригопоявляешься на какого-нибудь древняго классика, онъ непременно прилепишь ко мнѣ, саденъ подлѣ меня, ласкаенъ, издаенъ голоса, будпно говоришь хоченъ, и пакъ подружился со мной, чпо я спалъ его, какъ попугая, учипъ говоришь. Долголи, коронколи, только я выучилъ его не только говоришь, а къ величайшему моему удивленію — и чипать и даже — мыслишь. Но Лапинъ, по Пѣмецки, по Французски бывало чипаенъ и разсуждаенъ мой Филинъ; разговариваемъ бывало объ Испоріи, о Физикѣ, объ Аспрономіи, о Философій и обо многомъ другомъ. Судьбѣ угодно было нѣсколько лѣпъ шому назадъ разлучишь

меня съ нимъ; и съ шѣхъ поръ до нынѣшняго вечера я вовсе не зналъ, куда онъ дѣвался. Легко можно предсавить, какъ я обрадовался нечаянному гостю. Послѣ взаимныхъ дружескихъ привѣтствій разсказалъ онъ, что послѣ разлуки сомною онъ полетѣлъ путешествовать по Европѣ, былъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Геттингенѣ, Мюнхенѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ и многихъ другихъ городахъ, мѣстахъ и мѣстечкахъ, и всюду, то со шпича колокольни какойнибудь, то съ утеса, то со снога сѣна дѣлалъ свои наблюденія. Множесство разсказывалъ, разсказалъ цѣлую ночь до разсвѣта. Самымъ интереснымъ изъ разсказовъ его показался мнѣ слѣдующій; сообщаю его безъ прикрасъ.

» Должно бышь, говорилъ онъ, прародители ваши унесли съ собою изъ рай нѣсколько съмячекъ шого яблока, копорымъ соблазнили ихъ лукавый, пошому что нынѣ шакъ расплодился по всей землѣ яблони познанія добра и зла, что въ нѣкопрыхъ земляхъ, напримѣръ въ Германіи, опъ ихъ скоро негдѣ будетъ росши и дровяному лѣсу. И лукавый шакую власнь взялъ въ эшихъ лѣсахъ познанія, что уже не считаешь за нужное одѣваться въ змѣиную кожу, чтобы оболыцать людей, а просто въ видѣ лѣвнаго разгуливаешь по владѣніямъ своимъ и оповсюду скликаешь охотниковъ, копорые полнами валяютъ изъ зазковъ и хижинъ своихъ и одинъ передъ другимъ спараются угождать сильному владыкѣ — ломаютъ сучья, падаютъ, карабкаясь на деревья, но опяшь вешаютъ и опяшь лѣзутъ; прескъ, шумъ, крикъ, спорятъ, бранятся — и у Адама закружилась голова бы если бы онъ зашелъ на эшопъ базаръ Демонскій. — На бѣду же, какъ ты знаешь, въ нашъ вѣкъ шакой урожай на

эпѣ яблоки. Да чего, небудь и уражая — разсадишь, расплодишь сами. Будь хошь песчаная, каменисная земля; взроюишь, удобришь — и на пескахъ и ушесахъ выроснутъ рощи яблонныя.

Любо Лѣшему, какъ ревизоромъ обходишь помѣшья свои. То ниже нравы опустишися, но выше лѣса подымеишя, но на одномъ краю явишя, но на другомъ — и вездѣ и видимо и невидимо громко хлопаишь въ ладоши ревностнымъ работникамъ и служилемъ своимъ, величаешъ по именамъ, сулишь славу, безмерныя имени, и эхо горъ и овраговъ вноришь громовому голосу его и сердца жадныхъ попребишелей яблокъ познанія дрожащъ радосшю. —

Вѣришь ли какъ шеперь передъ собою вижу особенно въ Германіи .. Ты говоришь, что во время Тациана почти вся Герція была покрыта лѣсами. Да лѣса тогда были, какъ и бышь лѣсамъ, дубовые, сосновые, березовые; и волки и медвѣди, дятлы, бѣлки и наша братья филины водились въ нихъ. А шеперь чудеса да и шолько гдѣ - гдѣ увидишь перелѣсокъ спроеваго или дровянаго лѣса почти вся Германія одинъ яблонный лѣсъ. И что говоришь объ волкахъ до медвѣдахъ? нашему брату негдѣ приютишися; все полнехонько людьми. Вообрази себѣ: внизу, вверху, на деревьяхъ, подъ деревьями, вездѣ люди. Кто, сидя на сучкѣ, по и дѣло доспаишь по яблоку да набиваешъ себѣ щеки. Кто шолько надкусываешъ, да попомъ бросаешъ. Кто выкавыриваешъ, да ѣшь одни сѣмячки. Иной, знашь на кислую яблоню попалъ, морщися бѣдняжка, а ѣшь. Кто опилевываешя, сердшися, — видно червяка раскусилъ.

Одинъ, переважно развалившись на сучьяхъ, задумался о чемъ-то. Другой, зная шже ужъ сыпъ, нависивъшаетъ какую-то пѣсенку. Ну ни дашь, ни взяшь какъ пшцы. Кшо заунывную пляснть, кшо щелкаетъ, свиснипть, а кшо, какъ иволга точно Тирольскую навѣваетъ..... А по выше пашъ видно доки сидашъ, должно башъ изовсѣхъ выбраны. Ужъ не ѣдашъ, а плещушъ ли, вяжупть ли, пушаюшъ ли что-то, — кажешся, хоняпть всѣ лблонн, всѣ роци за вѣшви въ одинъ большой лѣсъ связашъ. И невсякаго пускаюшъ шуда на верхъ. При мнѣ одного бѣднаго не пустили, зато, что онъ не поѣлъ съ двухъ или трехъ лблонъ, потому что лблонки ему кислыми да горькими показались. Полѣзъ сердечный внизъ, не что взять. — А шже ешъ, должно бышъ и изъ выбранныхъ-шже выбранные; шѣ ужъ на самомъ верху, въ маковкахъ, а гдѣ и изъ маковокъ къ верху повысовывали головы. Тѣмъ, что пониже ихъ, они иногда указываютъ, гдѣ и какъ сучья связывать, что обрѣзывать, что привязывать. И поюшъ они и говорятъ что-то... не слышно многое издали..... Внизу подъ ними толпы собираются, слушаюшъ ихъ. И у самого лѣснаго въ большой они чешти; какъ выше лѣса подымается, шакъ наклоняешся къ нимъ, шепчешъ съ ними, шушпть, смѣешся. — Какъ забавно одинъ изъ нихъ пѣлъ однажды при мнѣ, и шакъ, шшобы всѣ лѣса слышали, ужасно громко: »Мы не люди, а мы пшцы!« не помню дальше; и, говоряшъ, въ самомъ дѣлѣ у него волосы и ногти въ это время превращались въ перья; я самъ этого не видѣлъ. Другой, шакъ еще забавнѣ декламировать, шакже всѣмъ въ слухъ: будно онъ на небѣ, и видишъ все, и увѣрялъ всѣхъ что

знаешъ, какъ и откуда все взялось, откуда
 взялись лѣса яблонныя, откуда приходишь къ
 нимъ владыка ихъ Лѣшій, увѣряль, что на
 небѣи ѣсть ничего занимательнаго, что въ лѣсу
 яблонномъ лучше, что небо и лѣса яблонныя
 одно и тоже — ничто и пр. и пр. И говорилъ
 онъ все это шакъ складно, шакъ опичешисшо,
 что Лѣшій сзади его по и дѣло хлопаешъ въ
 ладоши и безпреспанно посылаетъ Лѣшеняшъ
 разноситъ имя его по всѣмъ лѣсамъ и рощамъ;
 а народъ по деревьямъ и внизу, всѣ почти до
 одного, какъ онъ заговоритъ, разиня ротъ
 съ подобоспашіемъ слушають его. — Ну ужъ
 было чего посмотрѣть! Ты смѣешься, не вѣ-
 ришь мнѣ; но воля швоя, я говорю что ви-
 дѣль. А внизу, — я еще не рассказалъ, — у-
 мора! Тамъ вѣрно пѣ живутъ, копорымъ по
 деревьямъ лазать не позволяють, родъ чернаго
 народа. Тутъ совершенно свой міръ. Пред-
 ставъ себѣ, кой-гдѣ подъ деревьями серьезные,
 молчаливыя лица; сами не ѣдятъ яблокъ, а
 собирають только ихъ и раскладываютъ по
 кучкамъ да сортируютъ. Только тогда про-
 блеснешъ улыбка на мрачномъ лицѣ ихъ, когда
 кто принесетъ имъ яблочко или сѣмячко изъ
 какойнибудь дальней стороны. Случается, и
 сами они поднимаются на путешествія, оп-
 ыскиваніе такихъ, по древности или опда-
 ленности рѣдкихъ, яблокъ, сѣмячекъ, иногда и
 шелухи, шебельковъ, сучковъ яблонныхъ, что
 попадется. Удивительная шрасъ! — Другіе
 сидятъ, обклавшись кучами яблокъ, и на пере-
 вывъ другъ передъ дружкой кричатъ прохо-
 дящимъ, предлагаютъ опкушатъ онъ повара
 ихъ; ну шочно какъ на ярмаркѣ. Другіе хо-
 дятъ съ лопками на головѣ, и всякій свое и
 на свой напѣвъ поетъ: »вопъ яблоки хороши!

вошь наливныя, анисовыя, спиклянковыя! вошь опшуда, опсюда, изъ за придевяши земель привезенныя! вошь моченыя яблоки, хорошія моченыя! вошь яблоки въ сахаръ вареныя! вошь печеныя! вошь постила прекрасная! квась чудесный яблочный, чудесный квась! «... Такой шумъ, крикъ, спонъ полѣсу идетъ, что и у меня въ ушахъ бывало звенишь. Смѣйся, пожалуй, смѣйся! а сущая правда; ни слова не лгу.

Только наконецъ и невзгодѣ напало на бѣдныхъ попробинелей яблокъ и на самыхъ даже продавцовъ. Передъ самымъ оплепомъ моимъ домой — смонру: — одинъ чшо-по необычайно крѣпко морщишься спать; гляжу — руки и ноги въ движеніи, и — ужасъ было смонрѣшь — корчи приняли бѣдняжку; поси-нѣлъ весь, спонешъ, воешь..... глядь подлѣнего другой, вошь претій, вошь еще, и еще, и одинъ за другимъ соннями спали мучишься одними принадлеками. Чшо бы это значило? думаль я; поняшь не могъ! Вошь одинъ съ прескомъ сквозь сучья лещишь и бухъ — прямо объземь! сердечный! вошь другой, вошь еще, еще, и съ самага верху, и съ середины, и нижніе и всѣ — такъ и валяшся какъ мухи! Ахъ бѣдняжки! я прослезлся опъ жалоспи. А Лѣшій, а Лѣшеняша, и какіе-по, какъ вороны черныя, духи чшопи, хлопочушь, бѣгаюшь, лещаюшь, сусняшся вокругъ мершвыхъ, и вдругъ, дуну чшопи подхваляшъ, и съ хохотомъ, съ гарканіемъ, карканіемъ все изъ лѣсу куда-по и бѣгушь и лещашъ. У меня сердце такъ и обмирало; я лещишь скорѣй, дальше, дальше опъ лѣсовъ эшнхъ, да домой, домой..... Уфъ! и опъ разказа одного усмалъ, и спрашно, и ужасно спало. А право, половини не сказалъ.«....

Тутъ я обилъ Филина; благодарилъ его за интересное повѣствованіе и просилъ по-больше мнѣ такихъ разсказанъ. Онъ еще кой-что разсказывалъ; но разсѣло; мы разошлись; онъ скрылся на день въ сосѣднюю баню, а я принялся писать. Черезъ нѣсколько ночей онъ успѣетъ опять повѣствовать. хопѣль сленанъ и въ Москву и въ Пешербургъ. Что-то увидитъ проказникъ? —

ОСТЪ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

ДРЕВНѢЙШЕЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ РЕВЕЛѢ.

(Изъ сообщенной записки.)

Въ Danemarkis Rigis Kronike, оконченной Датскимъ Государственнымъ Канцлеромъ Випфельдомъ (Huitfeld) въ 1603. году и напечатанной въ Копенгагенѣ въ 1650. году на стр. 409. сказано:

Aar 1519 til Vordingborrig haffuer Kong Erich udgiffuet it Breff, at efterdi hos huert Stift bor at vaere en Hoffuetskole, da forbiuder haad Borgerne til Reffuel, at holde deris Born, eller andre fremmede deris, til nogen anden Pugeskoler der i Byen, men at soge den Skole hos vor Frue Kircke der i Byen, under 10. Marck Solff straff: de skal indleggis inden 14 Dage, 4 skal til Slottens Bygning, 3 til Kirckens, 3 til Byens Mur.

Т. е. Въ 1519. году въ Вордингборригѣ Король Эрихъ издалъ повелѣніе, чпобы при Эпископскомъ прешолѣ находилосъ главное

училище и запрѣшилъ гражданамъ Ревеля отдавать дѣшей въ скрытыя училища. И граждане были обязаны посылать дѣшей своихъ учиться въ училище при церкви во имя Пресв. Богородицы, (*) подѣ опасеніемъ десяти марокъ серебра пени въ случаѣ неисполненія сего, изъ коихъ четыре назначаюшя на строеніе замка, и три для церкви и три для построенія городской спѣны. (**)

Винфельдъ не сообщаетъ слово въ слово повѣленія Королевскаго, а означаетъ только главное содержаніе его. Поэтому еще оспаривался сомнительнымъ, былъ ли документъ сей грамапою на основаніе училища при упоминаемой церкви, или просто, запрѣщеніе отдавать дѣшей въ какую либо другую школу подѣ опасеніемъ пени. Легко можетъ быть, что церковная школа сія уже и прежде существовала. Находимся ли гдѣ-нибудь въ Архивѣ Гевельскаго Рапгауза подлинникъ сей королевской грамапы, не извѣстно; знаемъ только, что въ собраніи Привилегій нигдѣ не упоминается о немъ. Въ самомъ же Вышгородскомъ Училищѣ нѣтъ во все древняго архива о чешырехъ первыхъ сполѣціяхъ его существованія. Можетъ быть

(*) Нынѣ находящейся на Вышгородѣ, при которой нынѣ существуетъ Домское училище, пользующееся правами Гимназіи.

(**) Которую начали строить въ 1515, а тогда еще продолжали.

погибъ онъ во время пожаровъ, превращавшихъ нѣсколько разъ въ пепель весь Вышгородъ, или въ 1710. году по взятіи Ревеля Русскими, увезенъ вмѣстѣ со многими другими архивами на Шведскихъ корабляхъ въ Штокгольмъ.

О ГАДАНІЯХЪ РЕВЕЛЬСКИХЪ.

(Сообщено на Французскомъ.)

Беспрестанно слышу я, нападающъ на суевѣріе; но безъ суевѣрія — что бы спало съ пожилыми женщинами и молодыми дѣвцами? что бы спало сомною самимъ, привыкшимъ безпокоиться, когда кошка начнетъ лизать лѣвую лапку прежде правой? И не суевѣріе ли объясняетъ мнѣ тысячи вещей съ помощію карпъ, пшницъ, пауковъ, яицъ и сновъ?

И пакъ могу ли я по совѣсти осуждать невинныя покушенія Ревелянокъ, на канунъ каждаго Новаго года, узнать, выйдутъ ли онѣ замужъ или нѣтъ? Да и не оправдывается ли это любопытство чрезвычайнымъ недоспапкомъ въ мущинахъ въ Ревель, и вмѣстѣ желаніемъ, сполько еспешивнымъ, перейдши изъ состоянія дѣвицы въ состояніе жены?

Суевѣріе, споль обильное средствами проникаетъ въ будущее, во всякой спранѣ оказывается въ различныхъ обыкновеніяхъ, и самыя

древнія изъ сихъ обыкновеній всегда болѣе всѣхъ уважаются.

Здѣсь, на пр., сколько ни прекрасны Ревелянки и сколько бы ни было имъ пріятно наблюдать красивыл личики свои, у нихъ недоспало бы перитѣія, просиживать цѣлые часы, уставивъ глаза на зеркало въ ожиданіи — не явится ли шамъ ихъ сужсвый. Поэтому онѣ охотно предоснавлиють это средство шѣмъ, которыя, одаренныя отъ природы правомъ избирать, увѣрены что не будутъ принуждены долго ожидать. Великому злу должно пособлять великими способами: такъ, испытавъ таинственную силу олова и яичнаго бѣлка, выливасмыхъ въ воду, онѣ возвращаются всегда къ средству, по ихъ мнѣнію, самому рѣшительному и корешкому, — кладуть на блюдо чепыре опрокинутыя чашки, изъ которыхъ одна покрываетъ песокъ, другая ключи, ирешья куколку женскую, а чепвершал мужскую куколку. Окончивъ сіи приготовленія, гадапельница ложится спать и по утру, только что проснется, должна открыть одну изъ сихъ чашекъ, но только одну. Если ей суждено несчастіе, открыть песокъ, судьба ея рѣшена смершь прекратитъ ея дни! Приведеть ли се судьба открыть женскую куколку и того хуже — — Откроетъ ли

она ключи, — счастье ей назначило быть полною хозяйкою дома. Паконецъ если попадетсѣ ей мужская куколка, — тогда бракъ ея съ любимую оубою не только рѣшенъ, но пакъ рѣшенъ, что никакая сила земная не въ силахъ оизмѣнить сего рѣшенія; и. е., ежели она оидала кому-нибудъ свое сердце, то ни какія рашенія не въ силахъ принудить ее измѣнить своему оубу. И въ пакомъ случаѣ нѣтъ ничего оыкновеннаго, что она изъ совершенно мягкосердечной дѣвицы дѣлается непоколебимую Спаршанкою.

Еще пунктъ весьма занимательный для Ревелянокъ, и. е., будутъ ли онѣ повелѣвать въ хозяйствѣ или, слѣдуя спариному закону, должны будутъ повиноваться? но пакъ какъ это вещь очень щекотливая, и пакже не прикосновенна, какъ каршочный замокъ, которъ однимъ легкимъ дуновеніемъ можетъ бытъ разрушенъ, но оянь должно прибѣгать къ суевѣрію. Оно указываетъ средство не сомнѣнное, какъ можно рѣшительно узнать будущность. На кануны Нового года, въ шансшвенный часъ полночи, надобно овладѣть пѣнухомъ и курицею. Чеша сія, принесенная въ хорошо освѣщенную комнату, необыкновенно перепугается. Но пакъ какъ всѣ несчастія въ мѣрѣ имѣютъ свой предѣлъ, то одно изъ

двуногихъ созданій не замедлишь примѣнитъ, что на полу насыпаны зерна. Увидѣвъ это, одинъ изъ пѣнныхъ, кликомъ даетъ о томъ знать другому. Тутъ-то бьется сердце дѣвицы! увы! вся будущая судьба ея заключена въ сихъ двухъ животнохъ: Если пѣухъ первый начнетъ клевать, прощай свобода! прощай сладостное удовольствіе — повелѣвать! необходимо должно низойти на степень подчиненной и покориться власти мужа! Но какъ будто чувствуетъ курица, сколько ужаснаго заключается въ сей гипотезѣ, — она спѣшитъ (рискуя даже лишиться нѣсколькихъ перьевъ) принять участіе въ пирѣ; и едва лишь успеетъ она наполнить клѣвъ, какъ побѣда при кликахъ радости вручаетъ дипломъ повелительницы будущей супругѣ, — драгоценность, которую она не променяетъ ни на самаго прекраснаго мушкетера съ усами!

Впрочемъ должно признаться, что нѣтъ ничего прилипнѣе ярма Ревелянки; и потому-то вѣрно онѣ и стремятся такъ къ приобретению права, котораго, увѣрены, никто не можетъ оспаривать у нихъ, не нарушая справедливости.

Эстонскій ошпельникъ.

ПИСЬМО къ ИЗДАТЕЛЮ.

М. Г. А. И.

Изувѣченъ будучи еще подѣ Требіей, на ординарцахъ у Суворова, засѣлъ я съ косыльями своими въ здѣшнемъ городкѣ и, забывъ ученость и Литтературу, о которыхъ мимоходомъ слыхивалъ въ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ я воспитанъ, ничего не читаю, — уже лишь тридцать, кромѣ Каноника, Евангелія и Псалтири, да у здѣшняго Почтмейстера Инвалида, по почтовымъ днямъ. Тутъ давно встрѣчаю я Опшо Карловича Б....., Эспляндскаго дворянина, управляющаго однимъ большимъ имѣніемъ близко отсюда. — Добрый Нѣмецъ сей, за трубочкой табаку и чашкой чаю, часто бесѣдуетъ съ нами очень пріятно и занимательно; ибо онъ человекъ образованный, хорошо учившійся и много путешествовавшій съ пользою. Но у него есть одна слабость, свой конекъ, какъ и у всякаго человека; это его Эспляндія. Заговорите о чемъ вамъ угодно, на примѣръ: о Пекинѣ, — онъ непременно привезетъ васъ и отсюда въ Ревель, Гапсаль, Вейсенштейнъ. А мы съ Почтмейстеромъ не очень сильны въ Географіи — и спашуемъ. — Вотъ нашъ Опшо Карловичъ и пошелъ проповѣдовать, что въ одной его Эспляндіи рай

земной; чпо шамъ полько живупть люди порядочные; шамъ полько опцы сѣмейспвь, вмѣсно чвансца мошовспвомъ на щепъ заимодавцевъ, занимающа въ дѣревляхъ своихъ улучшеніемъ разныхъ опраслей сельскаго хозяйства для сбереженія имущеспвь на приданое дочерямъ и содержаніе сыновей въ службѣ царской. Тамъ полько жены не спыдацца хлопощащъ о вѣсѣхъ подробностяхъ домашняго быта, кормищъ, сами воспитыващъ и учищъ дѣщей своихъ. Тамъ полько, по словамъ его, пекущъ рѣки молокомъ и медомъ, — Досадно намъ бываещъ съ Почимейшеромъ, чпо несещъ онъ шакую невѣроподобную гиль; а оспорищъ нечѣмъ пошому полько, чпо учены на мѣдныя денежки. — Бошъ я однакоже вспомнвъ шаринную удамъ, повель на него вчера ашаку наудачу — Послушай-ко почтеннѣйшій Опшо Карловичъ, славны швой бубны за горами; ну чпо за земля швой Эспандія; я еще опсправляясь въ Ипалію, съ Павловскимъ Гренадерскимъ полкомъ, слыхивалъ объ ней, — шакая-же нѣмчина, какъ и Германія, въ которой мы чупь-было не перемерли съ голоду онъ шого, чпо ни кпо не понималъ насъ; говорищъ бывало - каженед - по Русски, — а онъ глядящъ разицувъ ронъ. — Чупь я вымолвилъ эшо, какъ добрый мой Опшо, бросивъ

трубку, покраснѣвъ какъ ракъ подбѣжалъ ко мнѣ. — Нѣтъ Климъ Федуловичъ, этого ужъ я не стерплю, мы въ Эспляндіи настоящіе Русскіе; любимъ славное опечеснво наше не меньше васъ, преданы всею душою великимъ Самодежцамъ нашимъ, посылаемъ на службу Ихъ цвѣтъ нашего юношества, и — гордимся этими чувствами. — Языкъ Русскій дѣлается у насъ общимъ. Старые войны и моряки наши, избранные въ рядахъ вашихъ, пребываютъ, чтобы дѣти ихъ выучились говорить такъ же твердо какъ они говорили: — впередъ ребята! — умремъ за Бога и царя! — Ну полно, полно Оппо Карловичъ, ужъ ты кажешься и въ шпыки гоюновъ приударилъ! — Чардонъ! — хонъ я до этого слова не очень охотникъ, да ужъ для сохранения швоей приязни вытолвилъ. — И битва кончилась, раненныхъ и убитыхъ не было; поле сраженія обстало за Оппо Карловичемъ; а я (чтобы не сказать опрешировался) опшинулся къ линіи своихъ запасовъ. — Великъ составили изъ нихъ ужинъ, легъ въ постель и заснул нашу битву, такъ исправно, что черезъ недѣлю, пулся въ Почтовую Кантору, и не думалъ ужъ объ ней. — Но видно изъ окна примѣнили, что иду на дворъ, потому, что только опворилъ я дверь, какъ мой Оп-

шо Карловичъ спойншь уже на порогъ, держа въ обѣихъ поднятыхъ рукахъ, бѣленькую книжку. — Спойнше Климъ Федуловичъ, возопилъ онъ, надѣвайше очки и — сдавайшесь! — Какъ, сдавашся! — ни за что! — Надѣвайше очки! — увидише, что обойдены, окружены — сдавайшесь! — Вонъ я выпацилъ очки, выперъ ихъ, надѣлъ, поднялъ голову и чишаю: Радуга — журналъ Философiи, Педагогiи и Изящной Лицшературы, и проч..... Чпо за-видо? — Я думалъ, что шамъ Русскаго духа слыхомъ не слыхивано; а шамъ и Русскiй Журналъ издаешся, и — Нѣмецъ пишешъ по Русски. — Подлинно я былъ пораженъ какъ громомъ: и весело было эшо видѣшь, и не хопѣлось шопчасъ сдашся. — Ну вижу, что Русскiй Журналъ, да надобно еще прочешъ; — мало ли Журналовъ; иныхъ лучше, чтообъ и не было. Надобно знашь, спойншь ли эшопъ Журналъ вашей радости. — Пожалуйше-ко я покажу знапоку и принесу вамъ его заключенiе. — Дѣло, Климъ Федуловичъ, извольше; мы и сами съ Г. Почшмейшеромъ рады, чтообъ кпо-нибудь поученѣ насъ оцѣнилъ эшо новое явленiе.

Надобно сказашь, что въ маленькомъ городишкѣ нашемъ знапокъ-шо ешъ, Философъ наспоющiй; но шяжелой на-подъемъ, не хвасп-

нво Своє имъ опдалъ. Народъ избранный
впалъ во мракъ; а новыя наследники Свѣта,
спали учиниъ его. —

Что мнѣ теперь дѣлать, думалъ я, слуша-
ющая; какъ сладить съ Опшо Карловичемъ,
чтобъ выпорговать у него миръ непосыд-
ный? — Пошацился къ нему на-домъ. Онъ
сидитъ съ трубой, подпершись лѣвою рукой;
поклонился мнѣ довольно гордо, и сказала, улыбаясь:
Что пріятель, какая вѣсточка опъ Оракула? —
Повинной головы мечъ не съчешъ, Опшо Карловичъ,
прошу вѣчнаго мира! — Хорошо. — Плохой миръ
лучше доброй войны; но вопъ условіе: sine qua non,
по еспъ, непремѣнно: — Описать все наше нобице
и поржеспво мое, съ Ревельскимъ Журналомъ
въ рукъ, Издапелю его. — Я согласился очень
охотно на умѣренное пребываніе побѣдителя,
и, съ удовольствіемъ его исполняю.

Ваша искреннѣйшій почитатель,

Климъ Правдобаевскій.

Отцавной Маторъ, живущій въ Симбир-
ской Губерніи.

Нѣкопорыя поправки.

Должно чипашъ: стр. 2, стр. 14 — перечипываемъ; 32, 12 — отправленою; 33, 25 — философскихъ; 39, 28 — положительное; 53, 17 — по вмѣсто оп; 57, 6, — совмѣстникъ; 61, 15 — возносимыя; 71, 22 — *Alighieri*; 109, 2 — пропичывалась; 112, 34 и 35 — Вотъ самъ на двонцѣ и пр.; 137 въ заглавіи — Философскаго; 169, 5 — почипаемъ; 169, 32 — мира; 181, 20 — была. Прочія поправки, на пр. мѣспахъ въ двухъ вѣтвѣ, въ одн.: мѣпа, въ трехъ: десница; въ нѣк. ѣ вм. ѣ и наоборотъ и мп. ш. п. — менѣе важны. —

Издатель проситъ у благосклонныхъ Чипателей извиненія за многочисленныя опечашки и обѣщаетъ быть рачительнѣе. Безъ сомнѣнія, если бы захотѣлъ оправдываться, то можно бы найти оправданія: время ограничено; въ глазахъ иногда зарѣбиль ошъ коррекшуръ (которыя оны должны самъ держашъ) шиппографія не Русская, а Нѣмецкая, и только что недавно начала спановишья и Русскою; буквъ въ ней при печаташии первыхъ книжекъ было очень мало, шакъ, что однажды должно было сдѣланы опечашку за недоспаткомъ одного большого Ф, и не разъ должно было опшибашъ пожки у добра (д), чтобы выходили люди (л); и пр. и. пр.: но шакія оправданія не оправдывающъ; — взялся за гужъ, не говори, чшо не дюжъ. — Впрочемъ теперь часши и силъ оправданій не будешь, пошому, чшо шиппографія во время печаташия 4. кн. приобрѣла побольше буквъ. —

Имена подписавшихся мѣсшъ и особъ.

До 19. Марша (пропускъ въ 3. кн.)

Въ Онегъ: Г. Дирекш. Лѣси. шорга Молчановъ.

До 3. Маія.

Въ Ревель: Его Пр. Г. Генераль-Лейтенантъ Л. В. Снаръевъ; Дворятскій Клубъ.

Въ Стародубъ: Г. Шшб. Ротм. Миклашевскій.

Въ Тульѣ: Г. Колл. Ас. Хрущовъ.

Въ Варшавѣ: Г. Инж. Подп. Герстфельдъ.

Въ Пркушскѣ: Неизв.

Сверхъ того въ слѣдствіе предложенія Его Свѣтлости Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Господамъ Попечителямъ о подпискѣ Гимназій и Уѣздныхъ Училищъ на Радугу, пребовали:

Дирекція Училищъ въ Вологдѣ, 2 экз.; Уѣзд. Уч. въ М. Холопъничахъ Минск. Губ.; Уѣздн. Уч. въ Петрозаводскѣ; Уѣздное Уч. въ Ганччинѣ; Уѣздн. Уч. въ Царск. Сель. —

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 30. April 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

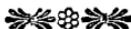
Regierungs-Assessor Baron v. Rosen.
in Abwesenheit des Censors.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
Что Изящное?	219
5ый Опломокъ отъ Философскаго Мозанка:	
Особенный Характеръ Европейскаго Духа времени	251
Письмо къ Издателью	242
4ый Опломокъ отъ Философскаго Мозанка:—	
Выписка изъ втораго пропокола обсерваторіи села Спасскаго . . .	243
Анна Маргарета Цванцигеръ	254
Германъ и Маргарета	271
Изъ переписки Жан-Поля Фридриха Рихтера съ Христіаномъ Ошшо, продол.	275
Двѣ Обезьяны	287
Къ лиръ	287
Изъ Исторіи воспитанія	287
Осколки отъ Философскаго Мозанка:	
1. Изъ какого-то Философа	294
2. Кеплеръ	296
3. Науки и Христіанство	296
<i>Umwelt und die Girsterne</i> Шуберта	297
Еще о Стефенсѣ	298
Последнее образцовое произведеніе Гёте	299
Чтенія въ Берлинскомъ Университетѣ	299
Яблоки познанія добра и зла	305

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
Древнѣйшее Училище въ Ревелѣ	49
О Гаданіяхъ Ревельскихъ	51
Письмо къ Издателью	55

Журнала сего выходитъ ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 5хъ до 6и и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревелѣ 20, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 24 рубля асс. Для Училищъ цѣна 18 р. асс., съ перес.; серебро считается по установленному курсу. — Въ Москвѣ подписка принимается въ Газетной Экспедиціи и въ Конторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Изящнородные благоволятъ адресоваться также на имя издателя Андр. Ив. Бюргера въ Ревель. —